

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№5(100)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ

*Сборник статей по материалам С международной
научно-практической конференции*

№ 5 (100)
Май 2025 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам С междунар. науч.-практ. конф. – № 5(100). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 104 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Статьи на русском языке	6
Раздел 1. «История и археология»	6
1.1. Отечественная история	6
РОССИЙСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ Мацагорова Елена Ивановна	6
Раздел 2. «Политология»	14
2.1. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	14
ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД Мазаник Сергей Владимирович	14
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ Панченко Янина Валерьевна Алексеева Ольга Васильевна	22
Раздел 3. «Философия»	33
3.1. Социальная философия	33
ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Атмурзаева Фатимат Исхаковна	33
ПАТРИОТИЗМ И ПОКОЛЕНИЕ НЕЕТ В РОССИИ: ВОСПРИЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ Руденко Людмила Алексеевна	42

Раздел 4 «Юриспруденция»	46
4.1. Административное право; административный процесс	46
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ Сукиева Рояна Магомедовна	46
4.2. Гражданский процесс; арбитражный процесс	50
К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РОССИИ ИХ ПОНЯТИИ, СТРУКТУРЕ И МЕСТЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Курников Андрей Игоревич	50
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР АРБИТРАЖНОГО СУДА Лебедева Екатерина Анатольевна Юсупова Асия Наилевна	56
4.3. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	60
РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАЩИТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ РЕБЕНКА Айрапетова Кристина Борисовна	60
ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК ПО ВЬЕТНАМСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ Нгуен Нгок Ким Кыюнг	67
4.4. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	73
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ Ефимин Егор Сергеевич Командирова Татьяна Геннадиевна	73

4.5. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	80
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ	80
Пасечник Татьяна Сергеевна	
Черепкова Владислава Сергеевна	
Шатилова Оксана Анатольевна	
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРЕ	85
Плещеев Григорий Павлович	
4.6. Уголовный процесс	90
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕРКИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ВЫДАЧИ ЛИЦ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	90
Скорик Даниил Дмитриевич	
Қазақ тілінде мақалалар	97
1-Бөлім «Саясат ғылым»	97
1.1. Саяси мәдениет және идеологиялар	97

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

«ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ»

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мацагорова Елена Ивановна

*преподаватель высшей категории,
Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО
Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России),
РФ, г. Ростов-на-Дону*

RUSSIAN PATRIOTIC YOUTH ORGANIZATIONS IN HISTORY AND MODERNITY

Elena Matsagorova

*Teacher of the highest category
Rostov Institute (branch) of the All -Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don,*

Аннотация. Статья охватывает историю и современное состояние российских молодежных патриотических организаций. В ней рассматривается их возникновение и роль в формировании патриотического сознания молодежи, влияние на общественные и культурные процессы в стране, раскрываются ключевые моменты в развитии этих движений и значение в контексте современных вызовов и изменений в обществе.

Abstract. The article covers the history and current state of Russian patriotic youth organizations. It examines their emergence and role in shaping the patriotic consciousness of young people, their impact on social and cultural processes in the country, reveals key points in the development of these movements and their significance in the context of modern challenges and changes in society.

Ключевые слова: молодежные организации; патриотизм в России; история молодежного движения; российский патриотизм; исторические корни патриотических организаций; воспитание патриотизма;

Keywords: youth organizations; patriotism in Russia; history of the youth movement; Russian patriotism; historical roots of patriotic organizations; education of patriotism.

В условиях стремительных изменений российского общества успешное и качественное развитие страны напрямую связано с "молодежным фактором", который включает уровень образованности, широту мировоззрения, здоровье и моральные ценности молодежи. Преобразования в общественно-политической и социокультурной сферах, а также изменение идеологических ориентиров молодежи в России, вкупе с разрушением четкой системы воспитания, существовавшей в СССР, привели к кардинальному изменению образа жизни молодежи.

Роль молодежи подчеркивает необходимость разработки обоснованной государственной политики, направленной на формирование у молодежи социальных качеств, важных для прогресса государства. На фоне процессов либерализации и демократизации, молодое поколение сталкивается с усложнением выбора своей социальной позиции. Этот факт вызван тем, что, после распада Советского Союза, новое демократическое государство не смогло предложить молодым россиянам альтернативную систему ценностей, что отразилось на их гражданской позиции [4, с. 217].

Молодёжная категория представляет собой группу с динамично меняющейся и крайне нестабильной системой ценностей. Кроме того, эта группа открыта для усвоения новых идей, которые ей предлагает современное общество. Это может быть использовано различными организациями, стремящимися к дестабилизации государства. Следовательно, одной из основных задач государства должно стать взаимодействие с молодыми гражданами, направленное на формирование у них социальных качеств, принципов и отношений, таких как: любовь к своей стране, готовность к служению её интересам, честность, мужество, здоровье и психологическая устойчивость.

Эти качества должны составлять основу идеологии и цели воспитания молодёжи. Из конкретных примеров можно привести советскую пионерскую организацию, которая являлась именно такой системой. На данный момент времени в России активно развиваются военно-патриотические организации, которые призваны решить проблемы занятости молодежи и ее воспитания. По мнению авторов, на данный момент наиболее целесообразным является изучение эмпирического опыта данных организаций и его дальнейшее использования для совершенствования взаимодействия молодежных патриотических организаций с силовыми ведомствами, и в первую очередь – с Министерством обороны Российской Федерации. Благо, путей развития такого взаимодействия, как и самих организаций, предостаточно. На сегодняшний момент под молодежными организациями принято понимать совокупность групп, объединений, организаций и движений молодежи [1, с. 10].

Патриотизм в России имеет глубокие корни, восходящие к временам Московского царства, когда формировалось осознание российской идентичности. Однако, наиболее заметное движение патриотических организаций начало развиваться в XX веке, особенно после Великой Отечественной войны. После 1945 года в стране активно формировались молодежные движения, такие как комсомол, который пропагандировал идеалы советского патриотизма [9, с. 17].

В советское время патриотические организации играли ключевую роль в воспитании молодежи. Комсомол не только объединял молодое поколение, но и занимался организаторской работой в различных сферах – от культуры до обороны. Идеология патриотизма в тот период включала в себя принцип коллективизма, важность трудового участия и защиту Родины от внешних угроз.

После распада Советского Союза в 1991 году произошел резкий скачок в разнообразии идеологий и взглядов на патриотизм. Патриотические движения начали конкурировать за умы молодежи, и вперед вышли как либеральные, так и крайне националистические течения. В этот период возникли первые независимые патриотические организации, такие как "Молодая гвардия" и другие, стремившиеся объединить молодежь вокруг идей любви к родине и национальной гордости.

Процесс становления молодежных движений в современной России происходил в условиях перехода от унитаризма и единообразия СССР к разнообразию современного российского молодежного движения, от единой идеологии к идеологическому плюрализму и многопартийности. Распад консолидированной единой идеологией советского

общества привел к таким последствиям, как распространение в молодежной среде отрицания и недоверия к каким бы то ни было организациям, объединениям или движениям, поиску альтернативных путей активности – росту неформального движения, с одной стороны, и усилению националистических настроений и ксенофобии, выразившихся в увеличении числа крайних и протестных молодежных организаций и групп радикального толка, с другой стороны [2, с. 85-86].

На сегодняшний день можно выделить несколько ключевых организаций, чья деятельность влияет на сознание молодежи в России. Каждая из этих организаций имеет свои цели, стратегии и подходы к патриотическому воспитанию.

«Молодая гвардия Единой России». Одна из самых известных патриотических молодежных организаций, «Молодая гвардия Единой России», играет важную роль в политической жизни страны. Она была создана в 2005 году и нацелена на привлечение молодежи к активной гражданской позиции. Основной задачей «Молодой гвардии» является формирование ответственного отношения к общественным делам и влияние на политические процессы в стране. Организация активно реализует различные проекты, направленные на повышение заинтересованности молодежи в политической жизни [2].

«Российское движение школьников» (РДШ). Формирующаяся с 2015 года структура РДШ охватывает не только воспитание патриотизма, но и реализацию образовательных инициатив. Движение организует конкурсы, выставки, форумы и проекты, которые направлены на развитие молодежи. РДШ занимается воспитанием гражданственности и уважения к историческому наследию страны [7].

«Союз молодежи» – это общественная организация, созданная для содействия реализации интересов молодежи в России. Она акцентирует внимание на патриотизме, социальной ответственности, поддержке научных и культурных инициатив. Благодаря различным программам и акциям, словно «День патриота», «Союз молодежи» вовлекает молодых людей в активную жизнь, формируя их гражданскую позицию [6].

Патриотические организации оказывают значительное влияние на восприятие молодежью своей истории и культуры. В современном российском обществе необходимость в патриотическом воспитании становится все более актуальной, особенно в свете глобализации и усиливающихся вызовов со стороны внешних факторов.

Современная молодежь сталкивается с множеством внешних влияний, от технологий до культурных трендов. Патриотические организации стараются укрепить в молодежи чувство принадлежности к своей

стране и формируют устойчивую национальную идентичность. Это особенно важно в условиях конкуренции с глобальными культурными явлениями, которые могут приводить к утрате исторической памяти.

В последние годы активное развитие цифровых технологий открывает новые возможности для патриотического воспитания молодежи. Социальные сети и интернет-платформы становятся основными инструментами для связи между организациями и молодыми людьми, позволяя распространить идеи патриотизма на более широкую аудиторию. Виртуальные экскурсии, онлайн-курсы и вебинары помогают формировать любовь к историческому наследию в условиях увеличивающегося дистанционного взаимодействия.

Несмотря на активное развитие патриотических организаций, существует ряд проблем и вызовов, с которыми они сталкиваются. Наиболее актуальными являются вопросы политизированности патриотизма, а также конфликты между различными патриотическими течениями и идеологиями. Политизация патриотизма может приводить к недопониманию и конфликтам между различными социальными группами. Важно, чтобы патриотические организации оставались аполитичными и не позволяли политикам использовать патриотические идеи для достижения своих целей. Существование различных патриотических течений нередко становится причиной конфликтов и споров. Некоторые организации могут продвигать идеи, которые идут вразрез с взглядами другой группы. Это создает риски и усложняет взаимодействие между ними, что, в свою очередь, ослабляет общий патриотический фронт.

Российские молодежные патриотические организации играют важную роль в формировании гражданской идентичности молодежи. Они взаимодействуют с разными аспектами жизни общества – от культуры до политики. Несмотря на существующие проблемы и вызовы, их деятельность способствует поддержанию исторической памяти и формированию активной гражданской позиции среди молодежи. Важно, чтобы организации продолжали развиваться, оставаясь при этом открытыми к диалогу и сотрудничеству с различными течениями, представителями молодежи и обществом в целом. Патриотическое воспитание остается актуальной и жизненно необходимой задачей в условиях современного мира [З. с. 6-9].

Так, на государственном уровне принят ряд законодательных актов, направленных на работу с молодежью и становление в обществе единой программы патриотического воспитания. Впервые такие задачи были учтены в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8]. Данный указ предполагает существенное повышение роли

школы и внешкольных молодежных клубов в воспитании молодого поколения как ответственных граждан России, на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии.

29 октября 2015 года Президент России Владимир Владимирович Путин подписал указ о создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников». В её рамках по инициативе Министра обороны Российской Федерации Сергея Кужугетовича Шойгу в январе 2016 года была создана «Юнармия». 28 мая 2016 года был утверждён её устав, 29 июля движение получило государственную регистрацию, обрело свой флаг и эмблему, а 1 сентября 2016 года организация официально начала свою работу. Юнармия на данный момент является самой крупной военно-патриотической организацией в стране, которая занимается работой с молодежью. Она тесно сотрудничает с Министерством обороны и другими силовыми ведомствами РФ. Деятельность данной организации направлена на формирование у молодежи патриотических взглядов и правильной государственной идеологии, уважении к своей стране и людям, живущим в ней [10].

Большим достижением законодательного творчества государства по патриотическому воспитанию молодежи является Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 г. №1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2020-2024 годы» [11]. Данное постановление определяет основные направления и цели, которые ставит перед собой государство в работе с данной категорией граждан. Стоит отметить, что в данный момент времени подобные организации активно набирают популярность и наращивают число участников. Так в конце 2016 года, спустя 8 месяцев после создания, ряды Юнармейцев насчитывали около 40 тысяч человек. Сегодня, на момент начала 2023 года, численность молодежи, состоящей в рядах Юнармии, превысила 1 500 000 миллиона человек. Также растет количество и число участников других молодежных патриотических организаций. Такая тенденция говорит о явном увеличении молодежного интереса к подобного рода деятельности. Количество целевой аудитории все еще остается недостаточным для быстрого и мощного воздействия на сознания молодежи в целом, но настолько резкий процесс увеличения численности членов организаций не может не удивлять. Это подтверждает, что патриотизм занимает далеко не последнее место в системе ценностей современной российской молодежи и, следовательно, данные движения актуальны и требуют поддержки своего развития.

Таким образом, можно говорить, что идеология и патриотизм представляют собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, духовную опору его жизнедеятельности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов. А работа с молодежью является основным вектором развития данных идей в обществе. Поэтому государство уделяет данному аспекту особое внимание.

В результате принятия этой программы организации, работающие с детьми и молодежью, обрели единый ориентир для своих многочисленных направлений деятельности. Но еще далеко не все движения перестроились на данную программу – многие из них продолжают работать по собственному плану. Поэтому требуется целенаправленное формирование ячеек крупных организаций, ведущих свою деятельность в сфере патриотического воспитания молодежи в регионах нашей родины. Также необходимо налаживать связи между всеми подобными организациями с целью обмена передовым опытом, организацией общей работы и совместной деятельности в области работы с молодежью.

Таким образом, российские молодежные патриотические организации имеют глубокие исторические корни, уходящие в эпоху советского времени, когда формирование патриотизма среди молодежи было неотъемлемой частью идеологической работы государства. Сегодня, на фоне глобализации и культурных изменений, патриотические организации стали важными институтами, объединяющими молодежь вокруг идеи национальной идентичности и исторической памяти. Они проводят различные мероприятия, направленные на воспитание чувства гордости за страну, уважения к её истории и культурному наследию. Примеры таких организаций включают «Юнармия», «Российский Союз Молодежи» и многие другие, которые активно участвуют в социальных, образовательных и волонтерских проектах. Современные патриотические движения сталкиваются с новыми задачами, такими как противостояние внешним информационным вызовам и формирование позитивного имиджа России как на международной арене, так и внутри страны. Важно отметить, что в условиях глобального мира эти организации призваны не только сохранять исторические традиции, но и адаптироваться к новым условиям, привлекая молодежь к активному участию в жизни страны.

Список литературы:

1. Верещагина Н.И. Формирование патриотической культуры школьников в общеобразовательном учреждении: автореф. дис.... канд. пед. наук. – Самара. 2020. – 28 с.

2. Всероссийская Общественная Организация «Молодая Гвардия Единой России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mger.ru/> (дата обращения 05.11.2024).
3. Крылова Е.Л. Формирование патриотического сознания студентов вузов средствами медиавоспитания: автореф. дис.... канд. пед. наук. – Самара. 2019. – 32 с.
4. Лабзина А.Ю. Основы организации гражданско-патриотического воспитания в образовательной организации / А.Ю. Лабзина // Флагман науки. – 2024. – № 6 (17). – С. 216-221.
5. Никulina М.А. Формирование патриотизма в молодежной среде (анализ социологических исследований) / М.А. Никulina // Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций: Международная научная конференция, Саратов, 16 мая 2015 года. – Саратов: ИЦ "Наука", 2015. – С. 85-91.
6. Общероссийская общественная организация Российский Союз Молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruy.ru/> (дата обращения 05.11.2024).
7. Российское движение школьников «РДШ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рдш.рф> (дата обращения 05.11.2024).
8. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г.
9. Федорченко А.И. История Великой Отечественной войны как фактор патриотического воспитания молодежи / А.И. Федорченко // Студенческий. – 2021. – № 42-2 (170). – С. 17-21.
10. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Министерство просвещения России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru>. (дата обращения 28.09.2023).
11. «Юнармия» – всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yunarmy.ru> (дата обращения 05.11.2024).

РАЗДЕЛ 2.

«ПОЛИТОЛОГИЯ»

2.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Мазаник Сергей Владимирович

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

GEOPOLITICIZATION IN INTERNATIONAL RELATIONS: A THEORETICAL APPROACH

Sergey Mazanik

Postgraduate,

Saint Petersburg State University,

Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Геополитизация приобретает все большее значение в современных международных отношениях. Тем не менее сама аналитическая категория геополитизации остаётся недостаточно определённой и изученной. По этой причине в данной статье предпринимается попытка сформулировать теоретический подход к геополитизации на основе конструктивистских и критико-геополитических наработок и продемонстрировать на примерах из политической практики Европейского союза, какой вклад может принести уточнение теоретических рамок геополитизации в исследования международных отношений.

Abstract. Geopoliticization is gaining increasing significance in contemporary international relations. However, the analytical category of geopoliticization remains poorly defined and studied. For this reason, this article seeks to formulate a theoretical approach to geopoliticization based on constructivist and critical geopolitical frameworks and to demonstrate, using examples from the European Union's political practice, the contribution that refining the theoretical boundaries of geopoliticization can make to the study of international relations.

Ключевые слова: геополитизация; критическая геополитика; критический дискурс-анализ; политизация; секьюритизация; Европейский союз.

Keywords: geopoliticization; critical geopolitics; critical discourse analysis; politicization; securitization; European Union.

В условиях стремительных трансформаций мировой политической системы, сопровождаемых нарастанием конфликтов, усилением конкуренции между крупными державами и переосмыслением глобальных и региональных ролей, категория геополитизации приобретает всё большую актуальность в исследованиях международных отношений. Особенно часто этот термин используется в контексте деятельности Европейского союза (Еврсоюза, ЕС), который, сталкиваясь с множеством вызовов, стремится переосмыслить свою роль на мировой арене через выработку инструментов силового принуждения и укрепление открытой стратегической автономии. Однако, несмотря на растущее внимание к феномену геополитизации, данная аналитическая категория остаётся недостаточно определённой и изученной, что затрудняет её применение в академических исследованиях и политическом анализе.

Цель данной статьи – разработать на основе критической геополитики теоретический подход к геополитизации и продемонстрировать возможности его применения на кейсе Европейского союза. Достижение этой цели позволит, во-первых, уточнить теоретические и понятийные рамки геополитизации как дискурсивного процесса, во-вторых, показать, как геополитизация проявляется в политике Европейского союза на современном этапе, и, в-третьих, оценить теоретическую и практическую значимость концепта геополитизации для анализа международных процессов.

Теоретическую основу работы составляет критическая геополитика, изучающая условия зарождения, эволюции и изменения в дискурсах управления геополитических представлений, нарративов и практик,

формирующих восприятие пространства и власти. Методологически исследование опирается на конструктивистские представления, согласно которым международные отношения следует рассматривать как социально сконструированную реальность, где идентичности, интересы и нормы взаимодействия акторов формируются через дискурсы. Это, в свою очередь, влечёт за собой использование критического дискурс-анализа как метода, который объясняет, как через язык и риторические стратегии формируются геополитические представления. Эта методология позволяет выявить, как определённые темы или регионы приобретают геополитическое значение через дискурсивные практики, а также как эти дискурсы легитимируют определённые политические действия и стратегии. Отсюда формируется особый, лежащий в основе данного исследования теоретико-методологический фокус на геополитизацию как дискурсивный процесс.

Статья структурирована следующим образом: сначала рассматриваются теоретические наработки критической геополитики, затем формулируются содержательные характеристики геополитизации и приводятся примеры геополитизации из практики Европейского союза.

Критическая геополитика: дискурсы и угрозы

С момента своего возникновения в 1990-е гг. критическая геополитика стремилась деконструировать традиционные геополитические представления и выявлять скрытые механизмы власти и идеологии, лежащие в основе геополитических нарративов [6]. основополагающими работами в этой области являются исследования Джерарда Тоала и Джона Эгнью, которые подчёркивают, что геополитика не является объективной наукой, а представляет собой совокупность дискурсивных практик, формирующих определённые представления о мире и международных отношениях [1; 23]. Следовательно, артикуляция геополитических тропов в дискурсе управления позволяет актору задавать рамки своей идентичности, а также формулировать собственные представления о безопасности и внешнеполитические приоритеты. Иными словами, разделяя конструктивистский взгляд на социальные дискурсы как пространства обсуждения, предвещающего и обуславливающего любые политические решения, критическая геополитика позволяет проследить, как осуществляется и к каким практическим последствиям во внешней политике может приводить артикуляция определённых геополитических нарративов.

Особое внимание в рамках критической геополитики уделяется анализу того, как определённые территории или события могут конструироваться в дискурсах управления как угрозы [2; 13]. Артикуляция

эссенциалистских геополитических нарративов, разделяющих глобальное политическое пространство на условных «друзей» и «врагов», позволяет акторам международных отношений стабилизировать свою внешнеполитическую идентичность. Это становится особенно актуальным во время кризисов идентичности: сталкиваясь с многочисленными вызовами, не вписывающимися в его представления о нормальном, актор пытается переопределить свою роль в международных отношениях и сформировать новое равновесное состояние онтологической безопасности [12; 19]. При этом публичная дискуссия, описывающая те или иные факторы в геополитическом ключе, как показывают исследования, нередко содержит в себе дилемму безопасности и обладает эффектом самосбывающегося пророчества [7; 11]. Последовательно характеризуя ту или иную часть глобального политического пространства как источник угроз, актор начинает дополнять свой внешнеполитический инструментарий методами проецирования жёсткой силы и стратегиями принуждения, которые, по задумке, должны оградить его от новых вызовов безопасности.

Геополитизация: определение теоретических рамок

На основе изложенного выше геополитизация может быть охарактеризована как переход актора от геополитической риторики к внешнеполитическим инструментам принуждения. Зарождаясь как дискурсивный процесс, в ходе которого определённые вопросы, ранее воспринимавшиеся в конкретном дискурсе как технические или экономические, начинают трактоваться в терминах международной конкуренции, стратегического соперничества и геополитической значимости, геополитизация подталкивает акторов международных отношений к выработке особых инструментов, направленных на достижение не столько экономических и социальных, сколько стратегических целей, а в дальнейшем — к закреплению и институционализации новых практик управления. Здесь очевидна связь данного феномена с политизацией [24], т. к. для геополитизации становится характерным перевод некой темы (например, торговой политики, инвестиций) в плоскость публичной дискуссии и оспаривания, но с весьма определённым набором аргументов, обосновывающих значение данной темы для конкуренции акторов международных отношений и глобального баланса сил [10]. Эта публичная дискуссия инициируется агентами (государственными/политическими деятелями или их объединениями), которые, приводя в качестве доводов те или иные глобальные события, тенденции или факторы, легитимируют внедрение и использование нового инструментария (например, военной силы, экономических санкций,

государственного вмешательства в экономические процессы) для регулирования процессов в сферах, традиционно не относящихся к вопросам стратегического интереса [17; 22].

Легитимация политических изменений происходит постепенно и обладает определённой градацией. Так, на начальном этапе, этапе поверхностной геополитизации, геополитическая риторика артикулируется спорадически в ответ на некоторые внешнеполитические факторы и не приводит к пересмотру стратегий актора в сфере дипломатии и безопасности. Далее, на этапе вынужденной геополитизации, актор всё чаще реагирует на внешние вызовы, обращаясь к геополитическим нарративам, и внедряет новые силовые рычаги управления, балансируя их использованием экономических или дипломатических инструментов и не порывая со своей прежней внешнеполитической идентичностью. Наконец, при глубокой геополитизации геополитическое мышление становится основой политических решений и приводит во внутренней политике конкретного актора к изменению институциональной конфигурации и перераспределению полномочий между его органами управления, а во внешней — к усилению конкуренции и противостояния с другими акторами на региональном или глобальном уровне [5; 9; 21].

Само по себе позиционирование той или иной темы в категориях стратегического интереса автоматически не означает её осмысления в терминах безопасности и угроз. Тем не менее по мере продвижения от поверхностной к глубокой геополитизации актор может начать секьюритизировать ранее геополитизированную тему, т. е. конструировать её уже в качестве референтного объекта, подверженного экзистенциальным угрозам, исключить её из публичной дискуссии и принимать в её отношении чрезвычайные меры, не подлежащих оспариванию [18; 22]. Это, например, произошло в миграционной политике Евросоюза: если изначально, в 2010-е гг., Брюссель определял миграцию как геополитический вопрос, относящийся к региональной стабильности и экономическим зависимостям с третьими странами, и реагировал на него комплексом мер, жиздившихся как на гуманитарных, так и на стратегических соображениях, то со временем миграция стала расцениваться в ЕС в качестве экзистенциальной угрозы, в ответ на которую Брюссель расширил полномочия Frontex и стал реформировать пограничный контроль при помощи строительства пограничных стен, а также внедрения биометрического обследования и ИИ-систем видеомониторинга [4]. Аналогичным образом геополитизация затронула политику расширения Евросоюза в восточном направлении, сделав соображения безопасности и обороны ключевым критерием расширения европейского

объединения и отодвинув традиционно значимые нормативные требования демократизации кандидатов в члены на второй план [3; 20].

Однако геополитизация и секьюритизация могут соотноситься друг с другом иначе: секьюритизация того или иного вопроса может подталкивать актора к выработке и принятию на вооружение геополитических стратегий, нормализующих восприятие международных отношений как априори конфликтных и способствующих нарастанию противостояния с другими акторами [8; 15]. Так, после того как в начале 2020-х гг. зависимость ЕС от поставок российских углеводородов была представлена как угроза безопасности, Брюссель ввёл ограничения на российский экспорт, а также стал форсировать зелёный переход, наращивать поставки энергетических ресурсов из других стран и ограничивать иностранные инвестиции в собственную энергетическую инфраструктуру [10; 16; 21].

Вывод

Таким образом, критическая геополитика предоставляет инструментарий для анализа геополитизации как дискурсивного процесса, посредством которого определённые вопросы приобретают для конкретного актора стратегическую значимость. Осмысление геополитизации как отдельного феномена позволяет выявить, как изменяются дискурсивные практики, внешнеполитические стратегии и институциональные механизмы конкретного актора международных отношений. Примеры геополитизации, приведённые из политической практики Европейского союза, демонстрируют, что геополитизация может развиваться по разным сценариям: от поверхностной адаптации публичной риторики к внешним вызовам до глубокой институционализации стратегических решений, ведущей к изменению внешнеполитической идентичности актора.

Исследование показало, что геополитизация тесно связана с политизацией, поскольку перевод различных тем в плоскость геополитического дискурса неизменно сопровождается публичным обсуждением, конкурентной борьбой за легитимность и принятием новых инструментов регулирования международных процессов. Более того, по мере углубления геополитизации актор может перейти к секьюритизации отдельных аспектов своей политики, что проявляется в усилении механизмов контроля, создании исключительных режимов управления и институциональном закреплении логики безопасности и угроз. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на изучении механизмов взаимосвязи геополитизации и секьюритизации (причём не только

в кейсе ЕС, но и на примерах других акторов международных отношений), а также на анализе того, какие факторы способствуют переходу от одного процесса к другому. Это позволит прогнозировать возможные направления трансформации международных отношений в условиях глобальной нестабильности.

Список литературы:

1. Agnew J. Global political geography beyond geopolitics // *International Studies Review*. — 2000. Vol. 2. № 1. — P. 91–99.
2. Agnew J. The geopolitics of knowledge about world politics: A case study in US hegemony // *Geographies of Knowledge and Power*. — 2015. — P. 235–246.
3. Akhvlediani T. Geopolitical and security concerns of the EU's enlargement to the east: The case of Ukraine, Moldova and Georgia // *Intereconomics*. — 2022. Vol. 57. № 4. — P. 225–228.
4. Altunbaş Ç., Memisoglu F. Evaluating the securitized migration policy of the European Union in the context of border security // *Lectio Socialis*. — 2024. Vol. 8. № 1. — P. 35–56.
5. Bauerle Danzman S., Meunier S. The EU's geoeconomic turn: from policy laggard to institutional innovator // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. — 2024. Vol. 62. № 4. — P. 1097–1115.
6. Dodds K. *Geopolitics: A very short introduction* — Oxford: OUP, 2007. — 200 p.
7. Guzzini S. *Self-fulfilling geopolitics? Or: The social production of foreign policy expertise in Europe*. — Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2003. — 22 p.
8. Hagman J. Securitisation and the production of international order (s) // *Journal of International Relations and Development*. — 2018. Vol. 21. № 1. — P. 194–222.
9. Herranz-Surrallés A., Damro C., Eckert S. The geoeconomic turn of the single European market? Conceptual challenges and empirical trends // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. — 2024. Vol. 62. № 4. — P. 919–937.
10. Herranz-Surrallés A. The EU energy transition in a geopoliticizing world // *Geopolitics*. — 2024. Vol. 29. № 5. — P. 1882–1912.
11. Houghton D.P. The role of self-fulfilling and self-negating prophecies in international relations // *International Studies Review*. — 2009. Vol. 11. № 3. — P. 552–584.
12. Jones L., Sage D. New Directions in Critical Geopolitics: An Introduction: With Contributions of: Gearóid Ó Tuathail, Jennifer Hyndman, Fraser MacDonald, Emily Gilbert and Virginie Mamadouh // *GeoJournal*. — 2010. Vol. 75. — P. 315–325.
13. Kurečić P. Identity and Discourse in Critical Geopolitics: A Framework for Analysis // *Society & Technology Book of Papers*. — 2015. T. 2. — P. 1–22.

14. Longo F., Fontana I. When securitization spills over across EU borders: a quantitative mapping of the external dimension of EU migration and asylum policies // *European Foreign Affairs Review*. — 2022. Vol. 27. № 4. — P. 485–512.
15. Makarychev A., Diez T. Introduction: Political logics and academic rationalities of securitisation and international crises // *Central European Journal of International and Security Studies*. — 2023. Vol. 17. № 2. — P. 4–20.
16. Marhold A.-A. Towards a ‘security-centred’ energy transition: balancing the European Union’s ambitions and geopolitical realities // *Journal of International Economic Law*. — 2023. Vol. 26. № 4. — C. 756–769.
17. Meunier S., Nicolaidis K. The geopoliticization of European trade and investment policy // *Journal of Common Market Studies*. — 2019. Vol. 57. Annual Review. — P. 103–113.
18. Mikelis K. Securitization: Theoretical Underpinnings and Implications. In: *European Union Security and Defence: Policies, Operations and Transatlantic Challenges* (ed. by G. Voskopoulou). — Springer, 2021. — P. 39–54.
19. Moisis S. Geopolitics/critical geopolitics. In: *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography*. — Wiley, 2015. — P. 220–234.
20. Osypchuk A., Raik K. The EU’s geopolitical enlargement—Ukraine’s accession will make the EU a stronger security actor // *JOINT Brief*. — 2023. Vol. 30. — P. 1–6.
21. Proedrou F. Geopolitical Implications of the Global Energy Transition for the EU // *EU Energy Geopolitics* (ed. by F. Proedrou). Springer, 2025. — P. 85–121.
22. Roch J., Olart Á. How ‘European sovereignty’ became mainstream: the geopoliticisation of the EU’s sovereign turn // *Journal of European Integration*. — 2024. Vol. 46. № 4. — P. 545–565.
23. Tuathail, Gearóid Ó. *Critical geopolitics: The politics of writing global space—Minneapolis*: University of Minnesota Press, 1996. — 328 p.
24. Zürn M. Politicization compared: at national, European, and global levels. In: *The European Union Beyond the Polycrisis?* (ed. by J. Zeitlin, F. Nicoli). — London: Routledge, 2020. — P. 15–33.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Панченко Янина Валерьевна

студент,

Гатчинский Государственный Университет,

РФ, г. Гатчина

Алексеева Ольга Васильевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков,

Гатчинский Государственный Университет,

РФ, г. Гатчина

Аннотация. Работа анализирует ключевые проблемы международных отношений, акцентируя внимание на геополитической конкуренции, безопасности и новых формах сотрудничества, а также на воздействии глобализации и регионализации. Основная цель – выявить механизмы, стимулирующие стабилизацию международной политики и устойчивое развитие на различных уровнях.

Abstract. The work analyzes key issues in international relations, focusing on geopolitical competition, security and new forms of cooperation, as well as the impact of globalization and regionalization. The main goal is individual mechanisms that stimulate the stabilization of international politics and sustainable development at various levels.

Ключевые слова: международные конфликты, экономические санкции, глобализация, устойчивое развитие, политика.

Keywords: international conflicts, economic sanctions, globalization, sustainable development, politics.

Современные международные отношения характеризуются высокой степенью взаимозависимости и сложности, что делает их важным объектом изучения. В условиях глобализации политические проблемы приобретают транснациональный характер, оказывая влияние на все аспекты развития общества. Вопросы безопасности, экономические санкции и международные конфликты становятся не только национальными, но и глобальными вызовами, требующими коллективных решений. Исследование сосредоточено на анализе таких ключевых проблем, как международные конфликты, их причины и последствия, экономические санкции и их воздействие на глобальное развитие, а

также на вопросах обеспечения безопасности в условиях международного сотрудничества. [4] Эти аспекты играют важную роль в формировании современной международной системы и требуют глубокого анализа.

Целью данного исследования является анализ политических проблем, влияющих на международные отношения, и оценка их воздействия на глобальное и региональное развитие. Для достижения этой цели поставлены задачи: изучить причины и последствия международных конфликтов, исследовать влияние экономических санкций на мировую экономику и рассмотреть вопросы безопасности в контексте международного сотрудничества. В исследовании используются методы сравнительного анализа, системного подхода и контент-анализа. Эти методы позволяют выявить взаимосвязи между политическими процессами и их последствиями, а также предложить рекомендации по преодолению глобальных вызовов.

Анализ современных политических вызовов в международных отношениях. Конфликты как фактор дестабилизации международной системы

Международные конфликты, как правило, возникают из-за пересечения интересов различных государств или групп, что может быть вызвано политическими, экономическими, культурными или территориальными разногласиями. Одной из ключевых причин конфликтов является борьба за ресурсы, такие как нефть, вода или полезные ископаемые, которые имеют стратегическое значение для стран и регионов. Например, в районах с ограниченными природными ресурсами, как в некоторых регионах Ближнего Востока, конкуренция за доступ к этим ресурсам часто становится катализатором вооружённых столкновений.

Также значительную роль играют этнические и религиозные различия, которые могут усиливать напряжённость и приводить к эскалации конфликтов. Кроме того, вмешательство внешних сил, поддерживающих одну из сторон конфликта, может усугубить ситуацию и привести к её международной эскалации.

Последствия международных конфликтов оказывают разрушающее воздействие на глобальную политическую и экономическую систему. Вооружённые столкновения приводят к гуманитарным кризисам, включая массовые потоки беженцев и разрушение инфраструктуры. По данным ООН, в 2022 году количество беженцев в мире из-за вооружённых конфликтов достигло рекордных 100 миллионов человек, что иллюстрирует масштаб проблемы.

Кроме того, конфликты нарушают стабильность регионов и подрывают международное сотрудничество, создавая новые вызовы для дипломатии. Например, гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 году, привела к гибели более 500 тысяч человек и значительной дестабилизации региона, что отразилось на международных отношениях и экономике стран, принимающих беженцев. Таким образом, конфликты не только разрушают локальные сообщества, но и оказывают долгосрочное влияние на мировую систему.

Экономические санкции и их влияние на глобальное развитие

Экономические санкции представляют собой важный инструмент международной политики, используемый для достижения политических, экономических или социальных целей. Основной целью санкций является изменение поведения государства или группы государств, которые нарушают международные нормы или угрожают международной стабильности. Санкции могут быть направлены на ограничение экономической деятельности, включая торговлю, инвестиции и финансовые операции, с целью создания экономического давления на правительство или организации, ответственные за нарушение норм. С 1990 года количество наложенных санкций значительно увеличилось, что свидетельствует о росте их популярности как инструмента международной политики, по данным ООН. Однако их применение вызывает споры, так как эффективность санкций зависит от согласованности международного сообщества и степени их воздействия на целевые субъекты.

Последствия экономических санкций для международной экономики могут быть значительными и многогранными. Например, санкции против Ирана, введённые с 2010 года, привели к сокращению экспорта нефти на 50 %, что не только сказалось на экономике Ирана, но и повлияло на мировые рынки энергоносителей. Санкции могут вызывать рост цен на сырьевые товары, нарушение цепочек поставок и снижение уровня международной торговли. В то же время они могут стимулировать развитие внутренних отраслей экономики в странах, подвергшихся санкциям, и способствовать поиску альтернативных торговых партнеров. Таким образом, оценка последствий санкций требует учёта как негативных, так и потенциально положительных аспектов, что делает их применение сложным инструментом в международных отношениях.

Вопросы безопасности в контексте международного сотрудничества

Безопасность играет ключевую роль в международных отношениях, так как она определяет стабильность и порядок в глобальной системе. На протяжении истории обеспечение безопасности было основой взаимодействия между государствами, поскольку от неё зависит возможность сохранения суверенитета и предотвращения конфликтов. Современные вызовы, такие как террористические угрозы, кибератаки и распространение оружия массового уничтожения, делают вопросы безопасности ещё более актуальными. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), в 2021 году мировые военные расходы достигли рекордных 2,1 триллиона долларов США. Это свидетельствует о том, что государства продолжают активно инвестировать в свои оборонные возможности, подтверждая значимость безопасности в международной политике.

Международное сотрудничество в области безопасности является важным механизмом для обеспечения стабильности и предотвращения конфликтов. Организации, такие как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), играют значительную роль в координации усилий государств по укреплению мира. ОБСЕ, созданная в 1975 году, объединяет 57 стран-участниц и работает над предотвращением конфликтов, поддержанием мира и продвижением прав человека. Такие инициативы демонстрируют, что совместные действия государств способны эффективно противостоять современным угрозам безопасности. Однако для успешного сотрудничества требуется доверие между странами и готовность к компромиссам, что остаётся сложной задачей в условиях геополитической напряжённости.

Воздействие политических проблем на глобальное и региональное развитие. Последствия конфликтов для региональной стабильности

Конфликты в международных отношениях часто возникают из-за сочетания внутренних и внешних факторов. Внутренние причины, такие как этнические, религиозные и социальные противоречия, могут обостряться под воздействием внешнего давления, включая вмешательство иностранных государств и экономические санкции. Гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 году, является ярким примером, когда комплекс внутренних разногласий усугубился внешними актами. Такой конфликт не только разрушает инфраструктуру и экономику страны, но и создает нестабильность в соседних регионах, приводя

к гуманитарным кризисам и потокам беженцев. Данные ООН подтверждают это: в 2020 году количество вынужденных переселенцев достигло рекордных 82,4 миллиона человек.

Кризисы гегемонии характеризуются «тремя различными, но тесно взаимосвязанными процессами: усилением межгосударственного и делового соперничества, ростом числа социальных конфликтов и появлением новых конфигураций власти», как отмечает Арриги. [1, 59-63] Эти процессы также способствуют возникновению конфликтов, подчеркивая, что международные отношения формируются не только внутренними, но и внешними факторами, которые взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Последствия вооруженных конфликтов для социально-экономического развития регионов проявляются в разрушении инфраструктуры, снижении уровня жизни населения и росте безработицы. Гражданская война в Сирии, например, привела к разрушению ключевых объектов, таких как больницы, школы и транспортные узлы, что негативно сказалось на всех аспектах жизни людей. Экономика страны также понесла серьезные потери: снижение производства, утрата рабочих мест и массовая миграция специалистов усугубили кризис. Грибан и Кабыхно отмечают, что «конфликт – это противостояние социальных субъектов (индивидов, групп), возникающее из-за дефицита власти, статуса или средств, необходимых для удовлетворения ценностных притязаний» [5, с. 34]. Такие явления оказывают значительное влияние на соседние страны, принимающие беженцев, что приводит к увеличению нагрузки на их социальные системы и экономику, создавая дополнительные вызовы для региональной стабильности.

Экономические санкции и их влияние на развитие стран

Экономические санкции являются инструментом международной политики, применяемым для достижения различных политических, экономических и социальных целей. Их вводят с намерением оказать давление на правительство или другие субъекты страны-мишени, чтобы побудить их изменить своё поведение или политику. Например, санкции могут быть нацелены на прекращение нарушений прав человека, предотвращение разработки ядерного оружия или наказание за агрессивные действия против других государств. По данным ООН, в 2021 году более 30 стран находились под различными международными экономическими санкциями, что свидетельствует о широком использовании этого инструмента в современном мире.

Вместе с тем экономические санкции могут быть частью более широкой стратегии, в которой спорт и другие сферы также используются

для достижения политических целей. Как отмечает Курасова, «современный спорт применяется политическими элитами для достижения политических выгод». [7] Это утверждение подчеркивает, что экономические санкции не действуют изолированно, а могут пересекаться с другими аспектами международной политики.

Экономические санкции оказывают значительное влияние на страны-мишени, затрагивая их экономическую стабильность и социальное развитие. Например, санкции против Ирана привели к снижению его ВВП на 4,8 % в 2019 году, согласно отчету МВФ. Они могут приводить к сокращению международной торговли, девальвации национальной валюты и росту инфляции. Кроме того, санкции зачастую ухудшают социальные условия, вызывая рост безработицы, снижение уровня жизни и ограничение доступа к необходимым товарам и услугам. Эти последствия подчеркивают сложность и многогранность влияния экономических санкций на страны-мишени.

Экономические санкции не только затрагивают целевые страны, но и влияют на международные отношения и сотрудничество. Они могут привести к ухудшению дипломатических отношений между странами и созданию напряженности на международной арене. Например, санкции против России в 2014 году вызвали снижение курса рубля на 50 % по отношению к доллару США и привели к ухудшению отношений между Россией и странами Запада. Эти меры также могут стимулировать страны-мишени к поиску альтернативных партнеров и созданию новых альянсов, что, в свою очередь, изменяет структуру международных отношений.

Безопасность как основа устойчивого развития

Безопасность играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития, так как она создает необходимую основу для стабильного функционирования общества и экономики. Отсутствие угроз безопасности способствует укреплению доверия между гражданами и государством, а также между различными странами, что, в свою очередь, стимулирует инвестиции, развитие инфраструктуры и улучшение качества жизни. Согласно данным ООН, в 2021 году конфликты и насилие привели к перемещению более 84 миллионов человек, что подчеркивает важность обеспечения безопасности для предотвращения гуманитарных кризисов. Устойчивое развитие невозможно без надежных механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов, а также без эффективного управления рисками, связанными с угрозами безопасности.

Глобальные вызовы безопасности, включая терроризм, кибератаки, распространение оружия массового уничтожения и изменения климата, оказывают значительное влияние на международные отношения. Эти проблемы требуют коллективного реагирования и международного сотрудничества, поскольку ни одна страна не в состоянии справиться с ними в одиночку. В 2022 году глобальные военные расходы достигли рекордных 2,2 триллиона долларов США, что свидетельствует о растущем внимании к вопросам безопасности на международной арене. Несмотря на это, число террористических атак в мире в 2020 году увеличилось на 10 %, что подчеркивает необходимость более эффективных и согласованных действий для снижения угроз безопасности. Эти вызовы акцентируют важность укрепления международных институтов и механизмов сотрудничества.

Региональные аспекты безопасности играют важную роль в обеспечении стабильности и предотвращении конфликтов. Взаимодействие между странами в рамках региональных организаций, таких как Европейский Союз и Африканский Союз, способствует укреплению доверия и созданию механизмов раннего предупреждения конфликтов. Вместе с тем в отдельных регионах сохраняется высокий уровень угроз, обусловленный геополитическими противоречиями, экономическими трудностями и социальными проблемами. Например, в 2020 году, несмотря на пандемию, число террористических атак в мире увеличилось, что особенно сильно отразилось на некоторых регионах. Это подчеркивает необходимость усиления регионального сотрудничества и разработки комплексных стратегий по обеспечению безопасности. Тематика политических наук активно обсуждается на международных научных конференциях, организованных с участием Уральского отделения АЕВИС, таких как конференция «Диспаритеты международных интеграционных процессов» в 2016 году [9, с. 3].

Стратегии преодоления политических проблем в международных отношениях. Рекомендации по смягчению конфликтов

Конфликты представляют собой одну из наиболее сложных и острых проблем в международных отношениях. Их причины многообразны и включают как экономические, так и политические факторы. Например, борьба за ресурсы, территориальные споры, этнические и религиозные противоречия могут служить предпосылками для их возникновения. В последние полтора десятка лет наблюдается заметный рост интереса к проблемам теории международных отношений, что подчеркивает необходимость глубокого анализа этих явлений [3, с. 1].

Согласно данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в 2020 году глобальные военные расходы составили 1,98 триллиона долларов США. Это указывает на значительные ресурсы, направляемые на предотвращение и разрешение конфликтов, и подтверждает осознание международным сообществом важности управления конфликтами. При этом остаются вопросы о том, насколько эффективны эти усилия.

Оптимизация международного сотрудничества в условиях кризисов

Международные организации играют ключевую роль в преодолении кризисов, предоставляя платформу для координации действий различных стран. Они способствуют обмену информацией, ресурсами и опытом, что позволяет эффективно реагировать на вызовы глобального масштаба. Например, ООН через свои специализированные агентства, такие как Всемирная продовольственная программа и Управление Верховного комиссара по делам беженцев, координирует гуманитарную помощь в кризисных ситуациях. Согласно докладу ООН 2022 года, количество гуманитарных кризисов, требующих международной координации, возросло на 20 % за последние пять лет, что подчеркивает растущую значимость таких организаций в условиях современных вызовов. Проблемы современного мирового развития «неизбежно требуют исследования экономических, социальных и политических аспектов развития международных отношений» [6, с. 28].

Двусторонние и многосторонние инициативы играют важную роль в укреплении международного сотрудничества, особенно в условиях кризисов. Они позволяют странам объединять усилия для решения общих проблем, таких как изменение климата, бедность и вооружённые конфликты. Примером успешного многостороннего сотрудничества является Парижское соглашение 2015 года, в рамках которого более 190 стран взяли на себя обязательства по сокращению выбросов углекислого газа. Это соглашение демонстрирует, как совместные усилия могут привести к значительным результатам в борьбе с глобальными вызовами. Совместная работа стран была также подчеркнута на саммите в Питтсбурге, где лидеры «большой двадцатки» отметили, что «совместные усилия и действенная реакция, направленные на предотвращение глобального финансового коллапса, привели к значительному прогрессу» [8, с. 57]. Многосторонние инициативы не только способствуют укреплению доверия между странами, но и создают основу для дальнейшего сотрудничества.

Перспективы развития международных отношений в условиях глобальных вызовов

Современные международные отношения сталкиваются с рядом глобальных вызовов, significantly влияющих на их развитие. Одним из наиболее значительных факторов являются вооружённые конфликты, которые приводят к гуманитарным кризисам и вынужденному переселению миллионов людей. В 2022 году число вынужденных переселенцев превысило 100 миллионов человек, что подчеркивает масштабность проблемы, согласно данным ООН. С другой стороны, климатические изменения представляют собой важный вызов, усугубляющий экономические и социальные напряжения, что, в свою очередь, сказывается на устойчивости государств и международном сотрудничестве. Эти вызовы требуют комплексного подхода для их преодоления и минимизации негативного влияния на глобальную стабильность. Регионализация, как отмечают Артамонова, Лукин и Мусийенко, «трактруется как объективный процесс, который является составной частью процесса глобализации, с одной стороны, и ее следствием, с другой». [2, 12-13] Это подчеркивает необходимость учитывать взаимодействие различных факторов в контексте международных отношений.

Для преодоления глобальных вызовов и обеспечения устойчивого развития международных отношений необходимо разработать и реализовать комплексные стратегии. Один из перспективных подходов заключается в укреплении международного сотрудничества через многосторонние инициативы, направленные на решение ключевых проблем, таких как климатические изменения и экономическая нестабильность. Парижское соглашение 2015 года продемонстрировало эффективность объединённых усилий более 190 стран в борьбе с изменением климата. При этом важным аспектом является развитие механизмов раннего предупреждения и предотвращения конфликтов, что позволит снизить гуманитарные последствия и улучшить международную координацию. В статье 2021 года подчеркивается, что «тема и проблематика конференции определяются сочетанием стабилизационных и дестабилизирующих процессов в развитии конфликтных ситуаций в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе крупных вооружённых конфликтов». Эти меры помогут создать основу для устойчивого развития в условиях глобальных вызовов.

Заключение

В ходе проведённого исследования были рассмотрены ключевые политические проблемы, которые оказывают существенное влияние на международные отношения и развитие как на глобальном,

так и на региональном уровнях. Анализ современных вызовов, таких как конфликты, экономические санкции и вопросы безопасности, показал их взаимосвязанность и значительное воздействие на стабильность и развитие международной системы. Были выявлены причины и механизмы возникновения данных проблем, а также их последствия для различных регионов и стран. Рассмотрение стратегий преодоления политических проблем в международных отношениях позволило предложить подходы к смягчению конфликтов, оптимизации международного сотрудничества и разработке перспективных сценариев развития. Эти подходы основаны на анализе текущих глобальных вызовов и направлены на достижение устойчивого развития и стабильности в международной системе. Таким образом, исследование предоставило комплексное понимание изучаемой темы и выработало рекомендации для решения выявленных проблем.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения взаимодействия между политическими проблемами и процессами глобального и регионального развития. Особое внимание следует уделить разработке методов предотвращения конфликтов и минимизации их последствий, а также изучению эффективных механизмов международного сотрудничества в условиях глобальных вызовов. Рекомендуется углублённое исследование влияния экономических санкций на долгосрочное развитие стран и регионов, а также на международное сотрудничество. Кроме того, важно рассмотреть вопросы безопасности в контексте новых вызовов, таких как киберугрозы и изменения климата, которые также оказывают значительное воздействие на международные отношения. Дальнейшие исследования в этой области помогут разработать более эффективные стратегии для укрепления стабильности и устойчивого развития.

Но сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения взаимодействия между политическими проблемами и процессами глобального и регионального развития. Особое внимание следует уделить разработке методов предотвращения конфликтов и минимизации их последствий, а также изучению эффективных механизмов международного сотрудничества в условиях глобальных вызовов. Рекомендуется углублённое исследование влияния экономических санкций на долгосрочное развитие стран и регионов, а также на международное сотрудничество. Кроме того, важно рассмотреть вопросы безопасности в контексте новых вызовов, таких как киберугрозы и изменения климата, которые также оказывают значительное воздействие на международные отношения. Дальнейшие исследования в этой области помогут разработать более эффективные стратегии для укрепления стабильности и устойчивого развития.

Список литературы:

1. Арриги Дж. Г. Глобальное правление и гегемония в современной миросистеме // В сборнике: *Contending Perspectives on Global Governance: Coherence, Contestation and World Order* / под ред. A.D. Ba, M.J. Hoffmann. – Лондон и Нью-Йорк: Routledge, 2005. – С. 57–71.
2. Артамонова Е.В., Лукин В.Н., Мусийенко Т.В. Регионализация международных отношений и безопасность: тенденции политического анализа // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. – 2013. – Вып. 3. – С. 12–13.
3. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталеv. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 377 с.
4. Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества: сборник научных трудов участников конференции / под ред. И.В. Ильина. – М.: МООСИПН Н.Д. Кондратьева, 2016. – 282 с.
5. Грибан И.В., Кабыхно Н.А. Конфликты в международных отношениях: современные аспекты изучения // *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*. – 2017. – № 2. – С. 34–35.
6. Жильцова О.Н., Арский А.А. Научно-практический журнал «Маркетинг и логистика». – 2017. – № 2 (10). – Москва, 182 с.
7. Курасова К.А. Спорт как инструмент политической борьбы в международных отношениях // [б. и.]. – [б. м.], [б. г.]. – [б. с.].
8. Михайленко В.И., Табаринцева-Романова К.М. История Уральского бюро Ассоциации европейских исследований // *Уральское региональное отделение*. – [б. г.]. – [б. м.]. – [б. и.].
9. Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. Политическая география: современная российская школа: хрестоматия / сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 544 с.

РАЗДЕЛ 3.

«ФИЛОСОФИЯ»

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Атмурзаева Фатимат Исхаковна

*д-р филос. наук, профессор,
Московский университет им. Витте,
РФ, г. Москва*

DIALECTICS OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION IN THE MODERN WORLD

Fatimat Atmurzayeva

*Professor, Doctor of Philosophy,
Moscow State University Witte,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье исследуется диалектика глобализации и регионализации. Определяется взаимосвязь двух разнонаправленных и, вместе с тем, взаимосвязанных и взаимообуславливающих процессов в современном общественном процессе. Анализируется влияние социально-культурных и политических процессов на становление регионализации как субъекта социального процесса. Особое внимание уделяется диалектике, единству противоположностей, всеобщего и особенного, глобализации и регионализации.

В современном мире продолжают происходить диалектически взаимосвязанные процессы глобализации и регионализации и этот процесс продолжает иметь противоречивый характер.

Степень разработанности проблемы даёт нам возможность выделить объект и предмет исследования.

Объектом нашего исследования являются процессы глобализации и регионализации в их диалектическом единстве.

Предметом же, являются процессы глобализации и регионализации, затронувшие весь ход общественного развития, в современном мире.

Целью исследования является диалектический подход в анализе двух векторов развития в современном мире, с доминирующим процессом регионализации, в контексте социальных, экономических, политических и культурных процессов.

Задачи, которые возникли в процессе исследования изучаемых процессов можно обозначить следующим образом:

1. Изучение глобализации как естественноисторического процесса;
2. Философский анализ теоретических концепций глобализации;
3. Изучение глобализации как неоднозначного, противоречивого процесса;
4. Исследование регионализации как доминанты и субъекта общественно-исторического процесса;
5. Изучение проблем формирования многополярного мира на базе регионализации как субъекта мирового социального процесса.

Методологической основой исследования диалектики глобализации и регионализации являются методы социально-философского анализа, методы и принципы научного познания. Диалектика всеобщего и частного, принципы всеобщей связи явлений и процессов, принцип системного подхода служат базой для достижения поставленной цели. Также используются индуктивный и дедуктивный методы, логического и исторического познания, формы и содержания, анализа и синтеза. Делается вывод о том, что теория глобализации, в западном варианте и регионализация, в не западном понимании, каждая теория, по-своему, теоретически, и, на практике ограничены, так как, являясь частями целого, по отдельности, однобоки. Именно диалектика всеобщего и частного, взаимосвязь и взаимодействие сторон исторического процесса способны вывести человеческое общество на новый, более высокий уровень развития.

Abstract. The article explores the dialectics of globalization and regionalization. The interrelation of two multidirectional and at the same time interrelated and mutually conditioning processes in the modern social process is determined. The influence of socio-cultural and political processes on the formation of regionalization as a subject of the social process is analyzed. Special attention is paid to dialectics, the unity of opposites, universal and special, globalization and regionalization. Dialectically interrelated processes

of globalization and regionalization continue to occur in the modern world, and this process continues to be contradictory. The degree of development of the problem gives us the opportunity to identify the object and the subject of the study. The object of our research is the processes of globalization and regionalization in their dialectical unity. The subject is the processes of globalization and regionalization that have affected the entire course of social development in the modern world. The aim of the research is a dialectical approach in the analysis of two vectors of development in the modern world, with the dominant process of regionalization, in the context of social, economic, political and cultural processes. The tasks that arose in the process of studying the processes under study can be described as follows:

- The study of globalization as a natural historical process;
- Philosophical analysis of theoretical concepts of globalization;
- The study of globalization as an ambiguous, contradictory process;
- The study of regionalization as a dominant and subject of the social-historical process;

• The study of the problems of the formation of a multipolar world based on regionalization as a subject of the global social process.

The methodological basis of the study of the dialectic of globalization and regionalization are the methods of social-philosophical analysis, methods and principles of scientific knowledge. The dialectic of the universal and the particular, the principles of the universal connection of phenomena and processes, the principle of a systematic approach serve as the basis for achieving this goal. Inductive and deductive methods, logical and historical, form and content, analysis and synthesis are also used. It is concluded that the theory of globalization, in the Western version, and regionalization, in a non-Western sense, each theory is limited in its own way, theoretically and in practice, since, being parts of the whole, they are one-sided separately. It is the dialectic of the universal and the particular, the interrelation and interaction of the sides of the historical process that can bring human society to a new, higher level of development.

Ключевые слова: глобализация, глобализм, вестернизация, агрессивная глобализация, модернизация, интеграция, дифференциация, регионализация, диалектика, «глубинный народ», национальная элита, однополярный мир, многополярный мир, «новый мировой порядок», единство многообразия.

Keywords: globalization, globalism, westernization, aggressive globalization, modernization, integration, differentiation, regionalization, dialectics, the “deep people”, the national elite, the unipolar world, the multipolar world, the “new world order”, the unity of diversity.

Актуальность, темы данной статьи, обусловлена реально существующими процессами, происходящими в настоящее время. Клубок социально-экономических, политических, культурных проблем выдвинул на передний план философский анализ, исследование диалектического противоречия глобализации и регионализации. В диалектике этих двух разнонаправленных, и вместе с тем, взаимосвязанных процессов, мы, как исследователи, должны прощупать перспективы, которые могут реализоваться в ходе дальнейшего развития человеческого общества и выявить те узловые проблемы, которые, с неизбежностью, могут оказать существенное влияние на развитие всего человечества, так и отдельных обществ и, каждого конкретного человека.

Диалектический анализ процессов глобализации и регионализации, его философский анализ, выявление противоречий между ними вызваны такими обстоятельствами как:

- Во-первых, выдвижение на передний план регионализации как субъекта общественного процесса требует философского анализа и философского обоснования, раскрытия сущности регионализации, как противоположности глобализации и, как его дополнения.
- Во-вторых, исследование геополитических процессов происходящих в мире, способствовавших субъектности регионализации и, в определённой степени, подталкивающих и стимулирующих эти процессы.
- В-третьих, необходимость взгляда в «длинную историю», осознание того, что общественные процессы необходимо рассматривать в перспективе, в глобальном масштабе и, в моменте, их развития.

Для философского анализа данной проблемы нам необходимо привлечь концепции известных теоретиков таких как, И. Валлерстайн, У. Бэк, З. Бжезинский, Дж. Сорос. Они рассматривают глобализацию как форму модернизации.

Идеология глобализации раскрыта в работах таких теоретиков как Ф. Фукуяма, А. Дж. Тойнби, К. Рассел, В. Томпсон.

Другие исследователи, такие как Д Бэнгли, Д. Медоуз, Р. Глоссон, Р. Коллинз, А. Этциони и др. рассматривают глобализацию как исторически обоснованную форму общественного развития.

Если обратиться к отечественным исследователям, таким как М.Г. Делягин, Н.С. Розов, Н.Н. Савельев и другим, то мы увидим взгляд на глобализацию как на естественно-насильственный процесс, как результат вестернизации и желания установить «новый мировой порядок».

Наибольший интерес вызывают исследования, рассматривающие диалектику глобализации и регионализации в трудах таких мыслителей как Д. Грей, Д. Лукач, С Хантингтон, У. Прайс, Л. Фробениус и др.

В отечественной исследовательской литературе диалектический взгляд на современные процессы глобализации и регионализации отражены в работах А.Н. Медушевского, Ю.Н. Оборотова, А.Г. Богомолова, А.И. Уткина, В.Г. Федотовой, А.А. Галкина, Г.Г. Делигенского и др.

В работах Ю.И. Семёнова, Т.В. Мусиенко, А.Г. Яковлева, В.И. Пантина обосновываются положения о том, что в диалектическом противоречии процессов глобализации и регионализации, второй процесс, т.е. регионализация играет приоритетную роль в общественном развитии.

В работах Р. Страссолдо даны базовые положения, которые характеризуют сущность и проявления глобализации и регионализации как общественных процессов.

Также, следует обратить внимание на идею единства мира в информационном пространстве, которая нашла отражение в работах отечественных философов, таких как А.Д. Урсул, А.П. Федотов, К.К. Колин и др.

Существующие теоретические и практические материалы дают нам право не только рефлексировать над диалектикой глобализации и регионализации, но и выдвинуть теоретические положения, которые могут реализоваться в будущем, с учётом происходящих, в наши дни, процессов.

Несмотря на многообразие источников, исследующих процессы глобализации и регионализации, остаётся большое поле не реализованного философского анализа происходящих процессов, в частности, недостаточно изучены специфические особенности процесса: социально-экономические, политические, геополитические, культурные. Проблема региональной глобализации, формирования региональных объединений, не как отрицания глобализации как явления, а как сохранения глобализации с учётом региональной специфики, то есть как составной части глобализации, хотя, на поверхности выступает, как противоположность глобализационного процесса.

Анализ источников, их теоретическое осмысление сподвигло к выдвижению следующих теоретических положений, некоторые из которых могут претендовать на научную новизну:

1. Теоретиками глобализации, а впоследствии и идеологии глобализма выступили западные исследователи, которые утверждали, что мировое сообщество интегрируется в глобальное общество по стандартам и образцам Запада. Данный процесс, по их мнению, носит

объективный характер, оправдан всем течением человеческой истории, т. е. отвечает на вызовы истории и является наиболее адекватной моделью развития всего человечества.

2. Идеология глобализма, стремясь ускорить общественные процессы, оказалась перед лицом ситуации, в которой не европейские, не западные народы, страны, государства встали перед выбором: либо принять ценности глобализации западного образца, со всеми её достижениями и проблемами, либо, сохранить свою идентичность, свой культурный код, свои этнические особенности, свой политический строй, свою самобытность. Агрессивная политика навязывания западных стандартов в не западные общества, логично, привели к ситуации глубинного отторжения менее прогрессивных обществ от теории и практики глобализации.

3. Теория и практика глобализации без учёта региональной политической, экономической, культурной, ментальной специфики, и впредь, будет приводить к антиглобалистскому движению в разных странах. Главным триггером антиглобализма является, так называемый «глубинный народ», чьи установки и интересы, их чаяния, часто, в своих интересах использует национальная и региональная элита, в целях сохранения своей власти, богатства и денег.

4. Глобализация и регионализация являются единством противоположностей, так как, они представляют две стороны одной медали, т.е. диалектически взаимосвязаны посредством единой человеческой истории. Как и любой диалектический процесс, данный процесс, это процесс интеграции и дезинтеграции (дифференциации), процесс выпячивающий ту или иную сторону двуединого процесса, определение субъектности той или иной стороны, что обусловлено местом, временем, обстоятельствами, в рамках которого происходит процесс. После определённого времени субъектности глобализации, произошла смена субъектности в сторону регионализации, что в очередной раз говорит о том, что, с течением времени, с неизбежностью глобализация, как явление, снова займет лидирующую субъектность в общественном процессе.

5. Субъектность регионализации проистекает из концепции многополярного мира, противоположного монополярному миру, на вершине которого, долго, находилась одна страна, США, которая, видимо, уже начала утрачивать свои позиции. Европейские страны, также, поддерживали идеологию монополярного мира, так как их культурные коды, их идеологические установки не противоречили западным установкам. «Общечеловеческие ценности», рассматриваемые как социальные конструи, тем не менее, очень привлекательны, так как основаны

на чувстве долга, человеческого достоинства, равенства, справедливости и т.д. Эти ценности, провозглашаемые теоретиками глобализации, на самом деле, являются идеальным социальным конструктом, который, с неизбежностью должен стать путеводной звездой и вести за собой прогрессивное человечество. Это положение можно принять с оговоркой, чтобы не было агрессивного навязывания и искусственного внедрения в неподготовленное, архаичное сознание. Исходя из данного подхода, можно, с уверенностью сказать, что исторический процесс движется не линейно, а волнообразно, раскачиваясь то в одну, то в другую сторону, но в конечном итоге, если рассматривать долгую историю, то глобализация объективна, исторична и колебания волн исторического процесса, в будущем будут носить умеренный характер, что на поверхности, вероятнее всего, будет мало заметно. Процессы регионализации, сегодня, характеризуются глубокими волнами, что отражается на судьбах народов и отдельных людей. В истории становления человеческого общества мы ещё многократно будем сталкиваться с подобными процессами, что вполне соответствует общему уровню развития человеческой цивилизации.

6. Регионализация отражает претензии Глобальной Периферии к статусу, если не Центра, то очень близкому к Центру, положению. Что интересно, именно глобализация сподвигла Периферию к осознанию своей периферийности и желанию быть на равных с Центром. Унификационные процессы происходящие в Центре, стирание различий между биологическими полами, ЛГБТ, миграционные процессы и т.д. стали теми причинами, из-за которых региональные элиты смогли получить широкую поддержку со стороны «глубинного народа» и использовать её в своих меркантильных интересах.

7. Регионализация опирается, в большей степени, на традиционализм, на идеологическую идентичность и, в меньшей степени, на этническую и религиозную идентичность. Современное общество, в XXI веке, настолько этнически разнообразно, что любая попытка унификации на региональном уровне, с неизбежностью, приведёт к социальным протестам, если будут затронуты их традиционные ценности, обычаи и традиции. Хотя, такие тенденции, тоже прослеживаются, что противоречит идее многополярности. Отстаивая идеологию многополярного мира, региональные элиты, часто, сами выдвигают идею объединения культур ради геополитических интересов. Для сохранения социальной стабильности властям придётся прибегнуть к авторитарным методам управления и, в конечном итоге, к сокращению прав и свобод человека и гражданина, что может способствовать ускоренной деградации общества. Именно поэтому необходимо выдвинуть идею единства

в многообразии, что будет отражать насущную потребность всего человечества как в наши дни, так и в будущем. Регионализация как субъект общественного процесса, с течением времени, сменится на глобализацию, как субъект общественного процесса, но на ином, снятом уровне, на новом уровне осознанности.

8. Теория глобализации, в западном варианте и регионализация, в не западном понимании, каждая теория, по-своему, теоретически, и, на практике ограничены, так как, являясь частями целого, по отдельности, ограничены и однобоки. Именно диалектика всеобщего и частного, взаимосвязь и взаимодействие сторон исторического процесса способны вывести человеческое общество на новый, более высокий уровень развития. Именно, диалектическое противоречие и является тем стимулом, который будет способствовать повышению уровня осознанности, и в перспективе, достижению единства в многообразии. Идеология глобализации, снова станет определяющей, хотя, возможно, для преодоления социального нигилизма по отношению к термину «глобализация», может появиться новый термин, отражающий новый уровень развития человечества, и, новый уровень осознанности каждого индивида, а по сути, субъекта исторического процесса. Как возможный вариант можно выдвинуть – Поликультурное Планетарное Объединение (ППО).

Список литературы:

1. Абрамов Ю.А., Куйбарь В.И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 242–250.
2. Андреева Т.Н., Косолапов Н.А. Ядерное сдерживание в условиях глобализации (политико-психологические аспекты проблемы) // Философские науки. – 2005. – № 9. – С. 5–22.
3. Арон Р. Мир и война между народами / пер. с фр. под общ. ред. В.И. Даниленко. – М.: NOTA BENE, 2000. – 879 с.
4. Ашин Г.К. Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 59–70.
5. Бабурина О.Н. Регионализация и глобализация: к проблеме взаимосвязи // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-economy.ru/art.php?nArtId=2161> (дата обращения: 12.04.2025).
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. "Свободная мысль". – М.: Логос, 2002. – LXIII, 324 с.
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения 1998. – 137 с.

8. Богомолов О. Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития. «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. – № 11. – С.3–24.
9. Бутенко А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 3. – С. 3–18.
10. Валлерстайн Э. Исторический капитализм // Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. – М.: УРСС, 2003 (Тип. ООО Рохос). – 254 с.
11. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. – 1999. – № 5. – С.260.
12. Гаврилов Ю.Н. И всё-таки, единство в многообразии, а не в «едином плавленом котле» // Восток (ORIENS). – 2003. – № 4. – С. 215–219.
13. Гранин Ю.Д. Глобализация» или вестернизация? // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С.3–15.
14. Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Глобализация и проблемы нелинейного цивилизационного развития // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делокаров. – М.: КМК, 2005. – 234 с.
15. Делягин М.Г. Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития. «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. – № 11. – С. 3–24.
16. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С.58–70.
17. Косолапов Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENS). – 2003. – № 4. – С.128–151.
18. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. – 2013. – №1. – С. 59–66.
19. Осыкина О.И. Современные проблемы регионального развития в условиях глобализации // Современные науки и инновации. – 2014. – С. 174–178.

ПАТРИОТИЗМ И ПОКОЛЕНИЕ NEET В РОССИИ: ВОСПРИЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Руденко Людмила Алексеевна

*студент Пермского института (филиал)
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
РФ, г. Пермь*

PATRIOTISM AND THE NEET GENERATION IN RUSSIA: PERCEPTION, EDUCATIONAL CHALLENGES AND SOCIAL CONSEQUENCES

Lyudmila Rudenko

*Student,
Perm Institute (branch) of the Plekhanov
Russian University of Economics,
Russia, Perm*

Аннотация. В статье исследуется проблема патриотического воспитания молодежи в современной России, с особым акцентом на NEET - поколение. Анализируется влияние цифровых технологий на формирование патриотических ценностей и предлагается комплексный подход к решению этой проблемы. Особое внимание уделяется необходимости отказа от агрессивных форм патриотизма и разработке новых методов работы с молодежью, учитывающих их специфику и особенности современного информационного пространства.

Abstract. The article examines the problem of patriotic education among youth in modern Russia, with a special focus on the NEET generation. The analysis covers the impact of digital technologies on the formation of patriotic values and proposes a comprehensive approach to solving this problem. Particular attention is paid to the need to abandon aggressive forms of patriotism and develop new methods of working with youth, taking into account their specificity and the characteristics of the modern information space.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, NEET - поколение, цифровые технологии, социализация, гражданская идентичность, патриотизм, Россия.

Keywords: patriotic education, youth, NEET generation, digital technologies, socialization, civil identity, patriotism, Russia.

В современной России проблема патриотического воспитания молодежи становится все более насущной. Мы живем в эпоху, когда мир меняется невероятно быстро, а международная конкуренция достигла беспрецедентного уровня. В таких условиях особенно важно, чтобы молодые люди имели четкое представление о своей роли в жизни страны и чувствовали свою ответственность за будущее России [6]. Наше общество сегодня переживает интересное время – старые ценности продолжают жить, но появляются и новые реалии. Молодые люди активно используют интернет, социальные сети и другие цифровые технологии, что существенно меняет их взгляд на мир. Поэтому традиционные методы патриотического воспитания требуют серьезной корректировки.

Особый интерес представляет группа молодых людей, которых называют NEET (те, кто не учится, не работает и не проходит профессиональную подготовку) [1]. В России эта категория молодежи имеет свои особенности, они очень хорошо разбираются в интернете и цифровых технологиях, хотя предпочитают не посещать официальные учебные заведения. У них своя система ценностей и свой способ общения в эпоху цифровых технологий. Они находят новые формы участия в жизни общества, отличные от традиционных. Интересно, что NEET-поколение в России формируется под влиянием двух противоположных сил: с одной стороны, это традиционные социальные институты, а с другой – современные цифровые технологии [7]. Это создает уникальную почву для формирования патриотических настроений. Молодые люди этого поколения выбирают свой особый путь в жизни, отклоняясь от стандартной схемы "школа-вуз-работа" [3]. В результате они развивают собственные ценности и особый стиль жизни. Когда речь идет о патриотизме, у NEET-поколения есть своя уникальная точка зрения, формируемая под влиянием современных реалий. Их высокая техническая грамотность и активная позиция в интернет-пространстве создают особый контекст для восприятия патриотических идей. Хотя они меньше участвуют в традиционных формах социализации, это не означает, что они не размышляют о своей стране и своем месте в ней. Просто их патриотизм может проявляться другими, нестандартными способами. Особенности восприятия патриотизма у представителей NEET-поколения определяются несколькими ключевыми факторами. Во-первых, их высокий уровень информационной компетентности позволяет им критически анализировать поступающую информацию и формировать собственное мнение о патриотических ценностях. Во-вторых, активное

участие в цифровых коммуникациях создает особую среду для обсуждения и осмысления патриотических идей. Стоит признать, что патриотизм NEET-поколения часто отличается от традиционных форм проявления патриотических чувств. Их патриотизм может выражаться в активном участии в онлайн-сообществах, обсуждении актуальных проблем страны, создании цифрового контента на патриотические темы. При этом важно понимать, что эти новые формы проявления патриотизма не менее значимы, чем традиционные, просто они адаптированы к современным реалиям и особенностям цифровой эпохи. Особую роль в формировании патриотических взглядов у представителей NEET-поколения играет их способность самостоятельно анализировать информацию и находить достоверные источники. Это позволяет им формировать более глубокое понимание патриотических ценностей, основанное не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне. Важно понять и признать: попытки навязать старые модели патриотического воспитания этой группе молодежи обречены на провал. Число представителей NEET-поколения значимо, и игнорировать их невозможно [2]. Агрессивные формы патриотизма не работают с этой группой молодежи, и попытки навязать им традиционные патриотические ценности через давление или принуждение только усугубят проблему. Нужен совершенно новый подход, основанный на понимании того, что это не просто очередное поколение молодежи, а представители нового типа социализации, рожденного в эпоху цифровых технологий. Последствия такого положения вещей для нашего общества весьма заметны, с одной стороны, NEET-поколение находит новые пути участия в жизни страны, которые ранее были неизвестны. С другой стороны, их ограниченное участие в традиционных формах социализации вызывает беспокойство относительно формирования прочной гражданской идентичности.

Первый шаг на пути к формированию патриотических ценностей – это признание и понимание [4]. Нужно принять, что NEET-поколение имеет право на свое видение мира, свои ценности и интересы. Только признав их как полноценную часть общества, можно начать конструктивный диалог о патриотизме. Для эффективного диалога необходимо использовать новые формы взаимодействия, соответствующие образу жизни этой группы молодежи. Цифровые платформы, интерактивные проекты и онлайн-дискуссии становятся ключевыми инструментами в работе с NEET-поколением [8]. Важно создавать пространство для открытого обсуждения патриотических ценностей, где молодые люди смогут высказать свое мнение и найти ответы на свои вопросы. Реальное участие в жизни страны – это следующий важный этап. Вместо

навязывания абстрактных патриотических идей, нужно создавать возможности для практического участия в решении местных проблем. Поддержка их инициатив и проектов поможет молодым людям почувствовать свою причастность к жизни страны и развить чувство ответственности за ее будущее. Региональный подход приобретает особую значимость в работе с NEET-поколением [5]. Учет местных особенностей, адаптация под региональные условия и работа с местными лидерами мнений позволят сделать патриотическое воспитание более эффективным и близким к реальной жизни молодых людей. Формирование патриотических ценностей – это долгосрочный процесс, требующий терпения и понимания. Нужно постепенно создавать условия для их формирования, используя позитивные примеры и развивая систему поддержки. Успехом можно будет считать не навязывание готовых патриотических схем, а помощь в осознании своей роли в жизни страны через диалог и практическое участие.

Список литературы:

1. Варшавская Е.Я.: Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России. – М.: Академический проект, 2015. – 522 с.
2. Голиусова Ю.В. Формирование группы NEET-молодежи в современном мире // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – В 2 т. – Т. 1. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2017. – 644 с. – С. 249-252.
3. Zubok Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы, проявления, тенденции. М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1_\(89\)_7_Chuprov_Zubok.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/20/1251238709/2009_1_(89)_7_Chuprov_Zubok.pdf) (дата обращения 14.03.2025).
4. Зудина А.А. Не работают и не учатся: NEET-молодежь на рынке труда в России. – М.: ВШЭ, 2017.
5. Коровин Г.Б Развитие процессов цифровизации в России // Экономист. – 2019. – № 6. – С. 38–50.
6. Малинин В.А. Формирование духовно-нравственных качеств личности обучающихся в условиях современного образования / В.А. Малинин, Ф.В. Повshedная, А.В. Пугачев // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10. – № 1 (38). – С. 2.
7. Новая протестная волна: мифы и реальность. 6.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politonline.ru/provocation/12525.html> (дата обращения 14.03.2025).
8. Россия online? Догнать нельзя отстать»: отчет / The Boston Consulting Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (дата обращения: 05.03.2025)

РАЗДЕЛ 4.

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

4.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сукиева Рояна Магомедовна

студент

Института Правового консалтинга

МГЮА им. О.Е. Кутафина,

РФ, г. Москва

Аннотация. В данной статье исследуется трансформация административных процедур в контексте цифровизации государственного управления. Особое внимание уделяется нормативным аспектам, вопросам правового регулирования автоматизации и потенциалу клиентоцентричного подхода для формирования сервисного государства.

Abstract. This article examines the transformation of administrative procedures in the context of the digitalization of public administration. Particular attention is paid to regulatory aspects, issues of legal regulation of automation and the potential of a customer-centric approach for the formation of a service state..

Ключевые слова: административные процедуры, цифровизация, государственное управление, государственный контроль, административная реформа, электронное взаимодействие.

Keywords: administrative procedures, digitalization, public administration, state control, administrative reform, electronic interaction.

Актуальность исследования эволюции административных процедур обусловлена процессами цифровизации и трансформации публичного управления.

Комплексный пересмотр правового регулирования и практической реализации административных процедур, отраженный в нормативных правовых актах и государственных программах, является ответом на вызовы современности.

Так, на уровне законодательства важнейшими вехами трансформации административных процедур стали Постановление Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» [4], а также национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], в рамках которого особое внимание уделено построению цифровой инфраструктуры и внедрению информационных систем в систему публичного управления.

Одновременно с этим, с 2011 года ведётся формирование нормативной базы, регулирующей предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, что позволило внедрить принципы «одного окна» и межведомственного электронного взаимодействия.

Научная литература справедливо указывает, что «административные процедуры представляют собой нормативно регламентированные последовательности действий, реализуемые в правовой форме в целях исполнения публичных функций» [2, с. 101].

При этом особое значение приобретает то обстоятельство, что в условиях цифровизации формируется качественно иное понимание сущности административной процедуры: она из средства нормативного воздействия превращается в инструмент сервисного взаимодействия государства с гражданином.

Следует особо отметить, что пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19), начавшаяся весной 2020 года, стала своеобразным катализатором ускоренной цифровизации публичной сферы.

В качестве примера можно сослаться на временное ограничение проведения очных проверок субъектов малого и среднего предпринимательства, предусмотренное постановлениями Правительства РФ, и их частичный перевод в дистанционный формат.

Это стало значимым шагом в направлении перехода к электронным формам осуществления контрольно-надзорной деятельности.

В то же время наблюдается значительная дифференциация по уровню цифровизации различных сфер публичного управления.

Так, предоставление государственных услуг демонстрирует наиболее высокую степень автоматизации, тогда как лицензирование,

разрешительная деятельность и контроль (надзор) отстают как с нормативной, так и с инфраструктурной точки зрения.

Это обусловлено, прежде всего, отсутствием в российском праве единого системного закона об административных процедурах, аналогичного законодательству ФРГ [3], где допускается полноценное электронное взаимодействие между гражданином и административным органом.

С точки зрения теории административного права цифровизация обусловила сближение ранее различавшихся категорий – государственной услуги и государственного контроля (надзора).

Это сближение закреплено в действующих регламентах, где функции по контролю все чаще включаются в перечень услуг, подлежащих цифровизации. Однако, как справедливо указывается в работах современных исследователей, такое отождествление является методологически спорным, поскольку государственный контроль по своей природе носит публично-властный, «а не сервисный характер и предполагает возможность вынесения обязательных предписаний, применения принудительных мер и привлечения к ответственности» [1, с. 93].

Несмотря на явные преимущества цифровизации – снижение издержек, упрощение процедур, повышение прозрачности – необходимо учитывать риски алгоритмизации принятия решений, в том числе возможное игнорирование обстоятельств конкретного дела вследствие формализации процедур.

В этих условиях особое значение приобретает обеспечение прав граждан и юридических лиц, в том числе через установление процедурных гарантий, прозрачных механизмов обжалования автоматических решений и юридическую квалификацию технических сбоев в цифровых системах.

Отдельное внимание в научной дискуссии уделяется внедрению клиентоцентричного подхода в деятельность органов государственной власти. Так, согласно позиции, озвученной на Петербургском международном экономическом форуме 2021 года заместителем Председателя Правительства РФ Д.Ю. Григоренко, государственный аппарат подвергается масштабной трансформации с целью максимального учета запросов граждан и бизнеса [2].

На нормативном уровне данная тенденция выражена, в частности, в Постановлении Правительства РФ от 4 февраля 2021 г. № 109, «предусматривающем упрощение разрешительных режимов и дистанционные формы взаимодействия с контролирующими органами» [5].

Таким образом, административные процедуры в условиях цифровизации приобретают новые формы и содержание, превращаясь из строго регламентированных бюрократических механизмов в гибкий инструмент реализации принципов сервисного государства.

Это требует не только дальнейшего нормативного оформления, но и глубокого научного осмысления, направленного на выработку сбалансированной модели административно-процедурного регулирования, способной обеспечить как эффективность управления, так и защиту прав граждан в условиях цифровой реальности.

Список литературы:

1. Бросалина А.А. Тенденции организации и регламентации административных процедур в условиях цифровизации государственного управления // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : материалы V международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2021. – С. 100-105.
2. Дмитрий Григоренко в рамках сессии ПМЭФ-2021 рассказал, каким должно быть клиентоориентированное государство // Правительство России URL: <http://government.ru/news/42408/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Закон «Об административных процедурах» (с изменениями, внесенными законом от 18.07.2017 г.), Германия
4. Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 (ред. от 20.07.2021) «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» //Собрание законодательства РФ, – 2011г., – № 22, – ст. 3169.
5. Постановление Правительства РФ от 04.02.2021 № 109 (ред. от 14.12.2021) «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 440» // Собрание законодательства РФ, – 2021г., – № 7, – ст. 1114.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ, – 2017г., – № 32, – ст. 5138.

4.2. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РОССИИ ИХ ПОНЯТИИ, СТРУКТУРЕ И МЕСТЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Курников Андрей Игоревич

магистрант,
Государственного университета «Дубна»,
РФ, г. Дубна

Аннотация. В настоящее время система арбитражного судопроизводства помимо наличия отдельного кодифицированного нормативного акта и ряда подзаконных нормативных правовых актов также имеет и четкую иерархично выстроенную структуру, имеющую вертикаль от арбитражных судов регионального (субъектового) уровня, до непосредственно высших судебных инстанций – соответствующих судебных составов Верховного суда Российской Федерации, рассматривающих дела, вытекающих из отношений, связанных с экономическими вопросами. В то же время, крайне важным будет отметить какое место указанная структура занимает в системе правосудия Российской Федерации, выделить генезис развития указанной модели в России, понятие и структуру. Указанным элементам будет посвящено исследование в рамках настоящей статьи.

Ключевые слова: История арбитражных судов в России, структура арбитражных судов, понятие арбитражных судов, место арбитражных судов в системе правосудия, система арбитражного правосудия, генезис коммерческого правосудия в России.

Дадыгина Ю.Н. в своей научной статье отмечает, что первое упоминание о зарождения системы коммерческих судов имело место быть уже в первой половине XII Века, о чем до нас сохранились определенные исторические подтверждения в виде Уставной грамоты, изданной Новгородским князем Всеволодом Мстиславовичем [4].

В тот период имели место так называемые «особые суды», чья роль заключалась в рассмотрении некоторых особых судов, которые осуществляли полномочия по разрешению коммерческих споров того времени.

По мнению некоторых ученых, данная идея была заимствована в рамках рецепции Римского права древнего периода, также существует позиция среди специалистов в области рассматриваемого нами спектра научных вопросов о том, что указанное упоминание лишь косвенно подтверждает наличие в России институтов коммерческих судов, в то время как действительное развитие данного института относится к периоду второй половины XVII века и связана с фигурой Петра Великого, который множество своих правовых новелл и реформ заимствовал из концепции передовых в тот период европейских государств.

Согласно историко-правовой справке относительно коммерческих судов, можно говорить о том, что генезис Арбитражных судов приходится на 1563 год. В указанный год во Франции и его правовой системе возникает постоянно действующий правовой институт «коммерческих судов». В то же время, возвращаясь в плоскость Российской правовой системы выделим, что, абстрагируясь от ранее упомянутого правового института коммерческих судов, а именно, попыток впервые определить подобного рода ответвление судебного органа, специализирующегося на коммерческих спорах, впервые в России говорить о централизованной системе арбитражных или коммерческих судов можно ссылаясь на вторую половину XVII-го, начале XVIII века.

Указанный период связан с несколькими весьма значимыми правовыми явлениями, а именно, во-первых, указанный период связан с глобальными реформациями законодательства Петром Великим, во-вторых, данный период ряд специалистов, анализируя экономико-правовые предпосылки, связывают с увеличением роли и значимости проблемы необходимости усиления авторитета торгового класса.

Указы императора Петра I Великого, которыми учреждена Бурмистрская Палата в г. Москве и земские избы в других городах России – относятся к первопричинам зарождения коммерческого правосудия в Российской Империи. Указанные нормативные правовые акты были подписаны и вступили в законную силу, а соответственно, органы учредились в 1699 году.

Однако, в науке можно встретить и иную позицию. Датой впервые утвержденного коммерческого суда, следует считать 1808 год. В указанный период правителем Российской Империи был утвержден и учрежден в городе Одесса первый коммерческий суд. Целью данного учреждения, как отмечают исследователи, включая Е.В. Мишину, было

привлечение иностранных инвестиций, в связи с чем на герцога Ришелье, осуществлявшего функции градоначальника, императором возлагалось обеспечение правильного и грамотного процесса судопроизводства [5].

Впоследствии утвержден проект Устава торгового суда, который послужил юридической основой принятия Устава коммерческого судопроизводства. Указанный свод правил, имеющий по своей сути прообраз ныне существующего арбитражного процессуального кодекса стал отличной процессуальной базой осуществления правосудия в коммерческой сфере и позволял процедуру осуществления правовой регламентации процесса разрешения коммерческих споров, который просуществовал с 1832 года до 1922 года.

Специфика реализации отдельных государственных полномочий в сфере вершения правосудия по коммерческим спорам данным органом власти являлось столь эффективным, что в течение всего периода дальнейшего функционирования российского государства, с учетом некоторых незначительных поправок, функционировал именно данный нормативный правовой акт, что может являться в том числе основанием говорить о его чрезмерной актуальности, результативности и соответствии вызовам того времени.

Следующий период, а именно, период советской государственности, можно охарактеризовать как период административно-правовой регламентации, возникающих споров по вопросам, связанным с экономическими спорами и соответственно спорами между юридическими лицами.

В период, когда советское государство, в частности и непосредственно, РСФСР (впоследствии – РФ) претерпели значительных изменений, ввиду, собственно, и распада данного государства, прекращения его существования, деятельности. Указанное породило за собой такой юридически-значимый факт, как возникновение нового государства – Российская Федерация, которая по своей сущности признавалась по вновь принятой Конституции – федеративным государством с демократической формой правления, а соответственно и признавалась всевозможная коммерческая деятельность.

Все это породило в том числе необходимость образования вновь ранее функционирующей в период Российской Империи правовой институт арбитражных или коммерческих судов, как того в том числе требовала концепция как самого государства, так и примеры иных форм государственных образований как европейской, так и азиатской модели государства и в целом сама концепция международно-правовых норм, которые также были ратифицированы в Российской Федерации или России.

С принятием Конституции Российской Федерации [1] в 1993 году было провозглашено в том числе, что наравне со всеми судами арбитражные суды относились к ветви судебной власти и имели в том числе независимость, выраженную в форме отдельной сложноподчиненной системе реализации экономического правосудия в стране.

Уже в 1996 году утверждается концепция, изложенная в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» №К 1-ФКЗ от 31 декабря 1996 года [2], согласно которой помимо судов общей юрисдикции также в систему судебной власти включена система федеральных арбитражных судов, которая в том числе состоит из:

- субъектов арбитражных судов;
- окружных арбитражных судов;
- специализированных арбитражных судов;
- арбитражные апелляционные суды;
- Высший арбитражный суд (ВАС РФ).

Впоследствии в силу совершенствования судебной системы в Российской Федерации ВАС РФ упраздняется, перерождаясь в соответствующую судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ. Указанное произошло в связи с острой нуждой в рамках унификации норм к единому общему пониманию, толкованию в целях формирования единообразной судебной практики как для арбитражных споров, так и для споров гражданских и административных в рамках общей юрисдикции. Указанная проблема нарастала наблюдалась длительный временной период, что в том числе образовывало некоторое недовольство субъектов права.

Также среди основных предпосылок упразднения ВАС РФ в науке можно встретить позицию, связанную с тем, что одновременная работа двух высших судов создавала дополнительную нагрузку на государственный бюджет, а равно факт того, что тесная взаимосвязь ВАС РФ и ВС РФ по своей сути являлась некоторой нецелесообразной деятельностью двух тождественных судебных структур, выполняющих аналогичную надзорную функцию, только без определенной единой позиции.

Как показала практика, отмечает И.В. Упоров, реформа достигла своих целей – качество и доступность правосудия для бизнеса улучшились, а скорость принятия судебных решений возросла [7].

В целом, развитие и динамика зарождения, становления и реализации арбитражных судов в России имеет стабильный прогресс, нацеленный на справедливость рассмотрения экономических споров в целях соблюдения баланса прав и законных интересов как государства,

так и субъектов данной категории споров. В науке можно встретить различные подходы к пониманию и толкованию как действующих, так и ранее функционирующих норм по поводу данных правоотношений и данной системы органа государственной власти соответствующей ветки.

В то же время, динамика развития и соответствующий подход и совершенствование судебной системы арбитражных судов в России показывает эффективность реализованной государственной политики в области экономического правосудия.

Рассматривая же специфику арбитражных судов, следует особое внимание уделить как понятию, так и месту указанной структуры в системе судебной власти в России (Российской Федерации).

Сама по себе система арбитражного правосудия представляет собой определенную специфику, которая позволяет говорить об узконаправленной сфере своей деятельности, а именно – разрешение споров, связанных с осуществлением правосудия по экономическим спорам, а также непосредственно, вершения правосудия по делам, связанным между индивидуальными предпринимателями, юридическими лицами в рамках такой деятельности. Ввиду изложенного, нередки случаи, когда стороной по такого рода спорам выступает непосредственно лицо, не относящееся к лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельности, в качестве которого может выступать как физическое лицо, так и непосредственно орган государственной власти, местного самоуправления, некоммерческая организация (например, НКО, СНТ, СТСН и многие другие).

Туз П.А. отмечает, что арбитражное является отдельной наравне с конституционным, гражданским, административным и уголовным судопроизводством, закрепленным в рамках положений Федерального конституционного закона №1 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а равно в положениях статьи 118 Конституции России [6].

Шокумов Ю.Ж. выделяет следующее понятие. Арбитражные суды в России представляют собой систему федеральных судебных органов, которые специализируются на разрешении экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, что позволяет их разграничить и отделить от иных органов, относящихся к системе судебной власти в России [8].

Действующая система арбитражного правосудия, выражена в четко сформированной иерархичной структуре независимых судей, осуществляющих правосудие по экономическим спорам и спорам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, которая

четко сформирована и урегулирована как положениями и нормами Федерального конституционного закона №1-ФКЗ от 31.12.1996 г., так и в рамках Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации №95-ФЗ от 24.07.2002 г. [3].

Само по себе определение арбитражных судов, гласящее о том, что арбитражные суды в России представляют собой систему федеральных судебных органов, которые специализируются на разрешении экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, что позволяет их разграничить и отделить от иных органов, относящихся к системе судебной власти в России является весьма достаточным и полным.

Структура арбитражных судов, выраженная в форме вертикали судов от первой инстанции до ВС РФ позволяет осуществлять эффективное правосудие по экономическим спорам и выносить справедливые, законные и обоснованные судебные акты, соблюдая баланс интересов всех субъектов предпринимательства и иной экономической деятельности в России.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 06.10.2022) // официальный интернет-портал правовой информации. URL.: <http://pravo.gov.ru>
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) "О судебной системе Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, N 1, ст. 1.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
4. Дыдыгина Ю.Н. История становления и развития арбитражных судов в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10-3. – С. 71-84.
5. Мишина, Е.В. Развитие системы арбитражных судов // Вестник магистратуры. 2020. №1-4 (100). – С. 76-81.
6. Туз П.А. Арбитражный суд как субъект арбитражно-процессуальных отношений // Вестник магистратуры. 2021. №5-3 (116). – С. 43-51.
7. Упоров И.В. Статус высшего арбитражного суда в первоначальной редакции конституции 1993 года и причины его упразднения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №2-2. – С. 141-148.

8. Шокумов, Ю.Ж. Понятие и система судов общей юрисдикции и арбитражных судов в Российской Федерации // Право и управление. 2021. №4. – С. 49-58.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР АРБИТРАЖНОГО СУДА

Лебедева Екатерина Анатольевна

*студент,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

Юсупова Асия Наилевна

*научный руководитель,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры арбитражного процесса,
адвокатуры и нотариата,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

Концептуальная модель предварительных обеспечительных мер находит наиболее полное воплощение в арбитражном судопроизводстве, выступающем гарантом соблюдения принципа законности [6, с. 4]. Сущность данных мер заключается в защите потенциальных имущественных требований, которые еще не заявлены в установленном процессуальном порядке.

Применение предварительных обеспечительных мер регламентируется теми же критериями, что и обычные меры обеспечения: суд санкционирует их при наличии риска затруднения или невозможности исполнения будущего судебного акта. Дополнительным основанием служит предоставление заявителем встречного обеспечения.

Отличительным характеристикам данных мер следует отнести срочный характер и эффект неожиданности для потенциального ответчика [1, с. 87].

Ключевым недостатком классических мер обеспечения выступает их использование исключительно в рамках возбужденного производства. Этот фактор позволяет ответчику заблаговременно предпринять

усилия по выводу активов из-под возможного взыскания после получения претензионных или исковых требований.

В отличие от них, предварительные меры направлены на защиту интересов кредитора (физического или юридического лица) на досудебной стадии, когда формализованное исковое требование отсутствует, но его предъявление планируется в установленные сроки.

При очевидной неправомерности действий должника досудебное обеспечение может стимулировать заключение мирового соглашения, сокращая нагрузку на судебную систему за счет разрешения споров во внепроцессуальном порядке.

Проблематика санкционирования предварительных обеспечительных мер остается дискуссионной ввиду неоднозначности судебных решений. Непредсказуемость правоприменения обусловлена оценочным характером законодательных формулировок, предоставляющих судьям широкие усмотренческие полномочия.

В п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 года № 11 [4] говорится: «Необходимо иметь в виду, что предварительные обеспечительные меры применяются по заявлению организации или гражданина лишь в случае представления доказательств наличия у них имущественных требований. Такими доказательствами могут быть, в частности, сведения о регистрации права собственности, коммерческий контракт, выписки из лицевого счета о перечислении денежных средств и т.д.

Заявления, которые не содержат требования имущественного характера, не могут сопровождаться предварительными обеспечительными мерами».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 [5] систематизирует критерии допустимости доказательств, конкретизирует формы предварительных обеспечительных мер и их правовые последствия. В частности, документ иллюстрирует возможность приостановления действия акта органа публичной власти, которое заявитель планирует оспаривать.

Рассмотрим пример из судебной практики. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа постановил: «Налоговый орган принял в отношении налогоплательщика обеспечительные меры в виде запрета на отчуждение (передачу в залог) имущества и о приостановлении операций по счетам налогоплательщика. Общество обратилось в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер в виде приостановления исполнения решения инспекции. Налогоплательщик сослался на общую специфику нефтеперерабатывающего производства, требующую

обеспечивать непрерывный цикл. Ограничения по счету привели к невозможности продолжения производственной деятельности общества, в связи с чем оно не имеет возможности использовать расчетные счета и исполнять текущие обязательства в полном объеме. Суд отказал в принятии обеспечительных мер, отметив, что решение налогового органа о принятии обеспечительных мер вынесено с целью обеспечения дальнейшей возможности исполнения решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения и взыскании соответствующей недоимки. Применение налоговым органом указанных мер не предполагает фактического взыскания со счетов налогоплательщика денежных сумм. Суд отметил, что расходы общества в связи с оплатой хозяйственного процесса не могут иметь приоритет перед исполнением налоговой обязанности, принятие предварительных обеспечительных мер фактически будет направлено на запрещение налоговому органу исполнять принятое им решение, что приведет к нарушению баланса публичных интересов, поскольку позволит налогоплательщику погашать кредиторскую задолженность перед третьими лицами, не исполняя обязанности по уплате налогов и сборов в бюджет» [3].

И.В. Абдулов предлагает достигать баланса между эффективностью предварительных обеспечительных мер и учетом интересов ответчика за счет «двухзвенной» системы разрешения вопроса о принятии либо отказе в принятии сначала предварительных обеспечительных мер, затем мер по обеспечению иска:

- 1) первичное рассмотрение заявления без участия сторон в течение одного дня;
- 2) последующий пересмотр мер в рамках состязательного процесса, предусматривающий их отмену или трансформацию [2, с. 40].

Описанная модель противоречит действующему порядку автоматической конвертации мер предварительного обеспечения в обеспечительные меры (ч. 9 ст. 99 АПК РФ), однако позволяет уже в рамках судебного производства провести всестороннюю оценку обоснованности ограничений с учетом позиций обеих сторон.

Перспективным направлением совершенствования судебной практики видятся новые разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам защиты ответчика против предварительных обеспечительных мер, в том числе недобросовестно заявленных.

Наконец, актуальным остается теоретическое переосмысление момента возникновения арбитражных процессуальных правоотношений, которые логично связывать не только с подачей иска, но и с обращением о применении предварительных обеспечительных мер.

Таким образом, дальнейшая эволюция рассматриваемого института позволит повысить доверие к арбитражной системе и будет способствовать досудебному урегулированию споров.

Список литературы:

1. Белоусова В.Р. Правовые проблемы влияния концепции «предварительных» обеспечительных мер на коммерческий оборот // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 84-88.
2. Абдулов И.В. Стандарты доказывания при принятии предварительных обеспечительных мер // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 39-45.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.03.2024 № Ф08-529/2024 по делу № А15-7791/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 (ред. от 19.11.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 2.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. 7 июня.
6. Юсупова А.Н. Арбитражный суд как гарант реализации принципа законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.

4.3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ЗАЩИТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ РЕБЕНКА

Айрапетова Кристина Борисовна

студент

*Саратовской государственной
юридической академии,
РФ, г. Саратов*

THE ROLE OF GUARDIANSHIP AND GUARDIANSHIP AUTHORITIES IN PROTECTING INTANGIBLE BENEFITS OF THE CHILD

Kristina Airapetova

*Student of the Saratov State Law Academy
Russia, Saratov*

Аннотация. в статье рассматривается роль органов опеки и попечительства в защите нематериальных благ ребенка в Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу понятийного аппарата, структуре и содержанию нематериальных благ несовершеннолетних, специфике их регулирования в гражданском, семейном и международном праве. Определены основные формы участия органов опеки в защите личных неимущественных прав детей, включая судебные, административные и профилактические меры. Обозначены основные проблемы правоприменительной практики и предложены пути совершенствования законодательства в сфере защиты нематериальных благ несовершеннолетних.

Abstract. the article examines the role of guardianship and trusteeship bodies in the protection of the child's non-material benefits in the Russian Federation. Special attention is given to the analysis of the conceptual framework, structure, and content of the child's non-material rights, as well as their regulation in civil, family, and international law. The main forms of participation of guardianship authorities in protecting the personal non-property

rights of children, including judicial, administrative, and preventive measures, are identified. The article highlights key problems of law enforcement practice and suggests ways to improve the legislation in the field of protecting children's non-material rights.

Ключевые слова: нематериальные блага ребенка, органы опеки и попечительства, личные неимущественные права, защита прав детей, семейное право, гражданское право, судебная практика, защита прав несовершеннолетних

Keywords: child's non-material rights, guardianship and trusteeship bodies, personal non-property rights, children's rights protection, family law, civil law, judicial practice, protection of minors' rights.

В современном праве особое внимание уделяется вопросам защиты нематериальных благ ребенка, поскольку именно они составляют основу его личной и социальной безопасности. Ребенок – это лицо, чьи интересы особенно уязвимы в силу возраста, отсутствия полной дееспособности и зависимости от взрослых. С первых дней жизни несовершеннолетний становится обладателем целого комплекса личных неимущественных прав: права на жизнь и здоровье, на имя, на личную неприкосновенность, на достоинство, на семейную и личную тайну, на свободу общения с близкими. Однако реализация этих прав на практике далеко не всегда гарантирована самим фактом их провозглашения в законе. Основную угрозу для нематериальных благ ребенка зачастую представляют не только внешние обстоятельства, но и действия либо бездействие родителей или иных законных представителей. Именно поэтому возникает необходимость в существовании специального механизма контроля за соблюдением этих прав.

Ключевым элементом системы обеспечения прав ребенка выступают органы опеки и попечительства. Их деятельность охватывает как случаи, когда права ребенка нарушаются, так и случаи, когда требуется предварительная защита от потенциально неблагоприятных условий воспитания и содержания. Органы опеки обладают полномочиями, направленными на профилактику, выявление и устранение угроз для нематериальных благ детей. Они призваны не только содействовать реализации прав, но и при необходимости вмешиваться в частные семейные отношения в интересах несовершеннолетнего, что обосновано публичным характером защиты прав детей. Исследователь М.Н. Немцова подчеркивает, что нематериальные блага ребенка, несмотря на их гражданско-правовую природу, выходят за рамки част-

ного права, поскольку затрагивают вопросы охраны личности, социальной адаптации и развития ребенка как будущего члена общества [5, с.292].

Понимание сути и содержания нематериальных благ ребенка невозможно без обращения к их нормативно-правовому закреплению. Рассмотрим, как эти блага определяются и регулируются в российском законодательстве. Понятие нематериальных благ в российском праве закреплено в статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, с. 121], где к ним отнесены жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство. Все эти блага изначально принадлежат любому гражданину, включая ребенка, как субъекту права с момента рождения. Однако применительно к несовершеннолетнему правовая природа этих благ приобретает дополнительные особенности. В отличие от совершеннолетнего лица, ребенок не обладает полной дееспособностью, не может самостоятельно реализовать и защитить свои права, поэтому его личные неимущественные права находятся в тесной зависимости от действий родителей или иных законных представителей.

Особенностью правового регулирования нематериальных благ ребенка является то, что они оказываются встроенными в систему не только гражданского, но и семейного права. Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет важнейшие начала защиты ребенка, признавая за ним право на воспитание в семье, на общение с родителями и другими родственниками, на всестороннее развитие и уважение человеческого достоинства [6, с. 29]. Дополнительно гарантии защиты нематериальных благ содержатся в международных нормах, прежде всего в Конвенции о правах ребенка, согласно которой государство обязано обеспечивать надлежащую правовую и фактическую защиту всех интересов несовершеннолетнего [4, с. 13]. Именно сочетание гражданско-правовых и семейно-правовых норм, а также международно-правовых обязательств образует систему охраны нематериальных благ ребенка.

Тем не менее, как отмечает М.Н. Немцова, на практике отсутствует четкое и комплексное закрепление в законодательстве перечня, содержания и механизмов защиты нематериальных благ именно в отношении несовершеннолетних. Законодатель, по сути, ориентирован на взрослого дееспособного гражданина, а нормы о ребенке зачастую дублируются из общих положений без учета специфики детского возраста, зависимости от родителей и ограниченной самостоятельности [5, с.292].

Эту проблему подтверждает и М.А. Геворгян, подчеркивая, что действующее право игнорирует важный факт – ребенок, несмотря на свою ограниченную дееспособность, является самостоятельным носителем личных прав, что требует не только их декларативного закрепления, но и создания эффективного механизма их защиты [2, с.70]. Механизмы охраны нематериальных благ ребенка в российской правовой системе распределены между гражданским, семейным и международным правом, однако их межотраслевой характер не получил надлежащей нормативной проработки и системности.

Важно отметить, что одних лишь правовых норм недостаточно для гарантии реализации нематериальных благ ребенка. На практике их обеспечение становится возможным благодаря деятельности специализированных органов – органов опеки и попечительства. Органы опеки и попечительства занимают центральное место в механизме защиты нематериальных благ ребенка, так как именно на них законом возложена обязанность осуществлять контроль за реализацией и соблюдением прав несовершеннолетних. Законодатель четко определяет полномочия этих органов в статье 8 Федерального закона «Об опеке и попечительстве», указывая на их право выявлять детей, нуждающихся в защите, устанавливать опеку или попечительство, контролировать деятельность опекунов, а при необходимости – участвовать в судебных и административных процедурах в защиту интересов ребенка. В их компетенцию входит как непосредственное участие в судебных спорах, например, о месте жительства ребенка или определении порядка общения с родителями, так и принятие решений по вопросам, касающимся личных нематериальных прав несовершеннолетнего – имени, фамилии, тайны личной и семейной жизни [7, ст.8].

Особенно важной является функция представительства интересов ребенка в суде, когда законные представители уклоняются от своих обязанностей или своими действиями наносят вред нематериальным благам несовершеннолетнего. Нередко именно органы опеки выступают инициаторами процессов по ограничению или лишению родительских прав, участвуют в делах о восстановлении нарушенного права ребенка на имя, на защиту от жестокого обращения, на воспитание в благоприятной среде. М.Н. Немцова справедливо замечает, что именно эти органы становятся важным элементом в системе публичной защиты прав ребенка, призванным компенсировать слабость индивидуальной защиты со стороны самого несовершеннолетнего, ограниченного в самостоятельной реализации своих прав [5, с.293].

Немаловажную роль играют и надзорные функции органов опеки. Они следят за соблюдением опекунами и попечителями прав ребенка,

проверяют условия его проживания и воспитания, дают обязательные заключения по вопросам, затрагивающим нематериальные права ребенка. Как подчеркивает Н.А. Аблятипова, одним из важнейших направлений деятельности органов опеки становится предупреждение возможных нарушений прав ребенка в условиях, когда формально родители сохраняют свои права, но фактически пренебрегают интересами несовершеннолетнего [1, с.45].

Органы опеки и попечительства активно участвуют в спорах, касающихся личных и семейных прав ребенка. Это и определение места жительства при разводе родителей, и вопросы, связанные с ограничением права на общение с родственниками, и выбор имени, и другие ситуации, затрагивающие нематериальные блага. Более того, в отдельных случаях эти органы вправе вмешаться даже без судебного процесса, издавая акты, которые регулируют важные вопросы защиты ребенка, например, в ситуации угрозы его жизни или здоровью [7, ст.8]. Как указывает М.А. Геворгян, на практике именно органы опеки часто становятся последней инстанцией, способной своевременно предотвратить развитие негативной ситуации для ребенка, благодаря чему обеспечивается реальная, а не только формальная охрана его нематериальных прав [2, с.73].

Однако не только законодательное регулирование и деятельность органов опеки составляют систему охраны нематериальных благ ребенка. Важнейшую роль играют также судебные и административные способы защиты, используемые в конкретных ситуациях. Защита нематериальных благ ребенка осуществляется как через традиционные судебные механизмы, так и посредством специфических семейно-правовых и административных процедур. Судебные способы защиты включают в себя широкий спектр мер, начиная от признания нарушенного права, признания сделки недействительной, если она нарушает интересы несовершеннолетнего, и заканчивая компенсацией морального вреда. Хотя такие меры в первую очередь предназначены для совершеннолетних граждан, в отношении детей они находят применение в случаях, когда нарушение затрагивает честь, достоинство, неприкосновенность частной жизни, а также право на имя или место жительства. Однако, как отмечает М.Н. Немцова, для несовершеннолетних судебные формы защиты зачастую недостаточны без поддержки со стороны органов опеки и попечительства, которые нередко становятся инициаторами или участниками таких процессов [5, с.293].

Административные и оперативные меры защиты представляют собой вмешательство органов опеки до обращения в суд. К таким мерам относятся выдача предписаний, обязательных к исполнению опекунами

и попечителями, отказ в согласовании действий законных представителей, угрожающих правам ребенка, организация временного устройства ребенка в другую семью или в организацию для детей-сирот. Как отмечают Н.А. Аблятипova и Т.Г. Подвезная, эти меры часто позволяют предотвратить судебный конфликт и защитить интересы несовершеннолетнего на ранней стадии [1, с.47].

Практика показывает, что участие органов опеки и попечительства в судебных делах приобретает особое значение. Одним из ярких примеров может служить известное дело о присвоении имени ребенку, рассмотренное Московским городским судом, когда орган опеки отказался согласовать имя «БОЧРВФ 260602», исходя из интересов несовершеннолетнего. Суд поддержал позицию органа опеки, что подтвердило необходимость учета мнения этих органов как профессиональных защитников прав детей [5, с.293]. Кроме того, важной особенностью семейных споров является то, что органы опеки обязаны учитывать не только формальные обстоятельства, но и субъективные аспекты – степень привязанности ребенка к каждому из родителей, его эмоциональное и психическое состояние, возможность обеспечения достойных условий воспитания и развития, что прямо влияет на решение суда [2, с.73].

Несмотря на четко сформулированные полномочия и значительную роль органов опеки и попечительства в обеспечении защиты нематериальных благ ребенка, правоприменительная практика сталкивается с целым рядом проблем, затрудняющих эффективную реализацию поставленных перед этими органами задач. Одной из наиболее острых является неопределенность в законодательстве относительно процедур и стандартов защиты личных неимущественных прав несовершеннолетних. М.Н. Немцова отмечает, что Гражданский кодекс Российской Федерации ориентирован преимущественно на регулирование прав взрослых субъектов, тогда как специфика прав ребенка практически не учитывается. Отсутствие специальных норм, касающихся защиты нематериальных благ именно несовершеннолетних, приводит к тому, что соответствующие положения зачастую трактуются органами опеки произвольно или формально [5, с.293].

Дополнительные сложности связаны с межотраслевым характером правового регулирования. Как справедливо замечает М.А. Геворгян, нормы гражданского, семейного и международного права в сфере защиты нематериальных благ ребенка нередко вступают в противоречие или создают пробелы, что усложняет правоприменение [2, с.74]. Органы опеки, оказываясь на стыке этих отраслей, нередко вынуждены

самостоятельно определять, какие именно нормы применять, что приводит к правовой неопределенности и снижению качества защиты ребенка.

Еще одной проблемой является недостаточность механизма учета мнения самого ребенка. Несмотря на то что статья 57 Семейного кодекса Российской Федерации прямо указывает на обязанность учитывать мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, на практике органы опеки и попечительства зачастую формально подходят к выполнению этой нормы, не обеспечивая ребенку возможности высказать свою позицию в комфортных и безопасных условиях [1, с.48]. В ряде случаев это приводит к принятию решений, которые формально соответствуют закону, но не учитывают реальные интересы и психологическое состояние ребенка.

Серьезной проблемой остается и слабость системы профилактики нарушений нематериальных прав ребенка. Органы опеки преимущественно реагируют на уже случившиеся факты нарушений, тогда как эффективная защита требует усиления профилактической и консультативной работы с родителями и опекунами. Как отмечает М.Н. Немцова, отсутствие полноценного мониторинга исполнения родителями и опекунами своих обязанностей, а также слабая координация действий органов опеки с другими субъектами системы профилактики социального неблагополучия снижают эффективность всей системы защиты [5, с.292].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что защита нематериальных благ ребенка является важнейшей задачей современного российского права и социальной политики. Органы опеки и попечительства играют здесь роль не просто административного звена, а полноценного гаранта прав ребенка в ситуациях, когда он не в состоянии самостоятельно их реализовать. Вместе с тем, для достижения реальной эффективности этой системы необходимы дальнейшие законодательные и организационные шаги: закрепление специальных норм, расширение профилактической деятельности, усиление механизмов учета мнения ребенка. Лишь комплексный подход позволит обеспечить надежную защиту личности и достоинства каждого ребенка.

Список литературы:

1. Аблятипова Н.А., Подвезная Т.Г. Особенности участия органов опеки и попечительства в проблемных аспектах реализации личных неимущественных прав несовершеннолетних / Н.А. Аблятипова, Т.Г. Подвезная // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 44–48.

2. Геворгян М.А. Правовой статус и нематериальные блага ребенка в гражданском и семейном праве Российской Федерации / М.А. Геворгян // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 69-75.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 2.
5. Немцова М.Н. Защита нематериальных благ ребенка / М.Н. Немцова // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 291-293
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
7. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
8. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК ПО ВЬЕТНАМСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Nguyen Ngok Kim Kyong

*капитан полиции,
преподаватель кафедры юриспруденции –
Академии Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

Nguyen Ngoc Kim Cuong

*Police captain Socialist Republic of Vietnam,
lecturer at the Department of Jurisprudence
of the Vietnam People's Academy of Police,
Vietnam, Hanoi*

Аннотация. Недействительные гражданские сделки представляют собой распространённое правовое явление, свидетельствующее о недостаточном уровне правосознания и стремлении субъектов

гражданских правоотношений к противоправной выгоде. В данной статье проводится подробный анализ правовых последствий недействительных гражданских сделок в соответствии с положениями Гражданского кодекса Вьетнама 2015 года.

Abstract. Invalid civil transactions are a common legal phenomenon that indicates a lack of legal awareness and the desire of subjects of civil legal relations to obtain illegal benefits. This article provides a detailed analysis of the legal consequences of invalid civil transactions in accordance with the provisions of the Civil Code of Vietnam 2015.

Ключевые слова: Недействительные гражданские сделки, правовые последствия, возмещение убытков.

Keywords: Invalid civil transactions, legal consequences, compensation for damages.

Гражданские сделки являются основным средством установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. С развитием социалистической рыночной экономики объём и стоимость сделок значительно возросли, что усложнило процесс определения их законности.

1. Правовые основания и правовые последствия недействительности гражданско-правовых сделок

Пункт 1 статьи 117 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 года [1, С.30] устанавливает, что гражданско-правовая сделка считается действительной при одновременном соблюдении следующих условий:

1. Субъекты обладают необходимой гражданской правоспособностью и дееспособностью;
2. Волеизъявление сторон является полностью добровольным;
3. Цель и содержание сделки не нарушают установленных законодательных запретов и не противоречат нормам общественной нравственности;
4. Форма сделки соответствует требованиям, установленным законом.

Несоблюдение хотя бы одного из этих условий может повлечь признание сделки недействительной.

К числу наиболее распространённых видов недействительных сделок относятся: сделки, нарушающие правовые запреты или нормы общественной морали (статья 123 Гражданского кодекса); притворные сделки, заключённые с целью прикрытия других сделок (статья 124);

сделки, совершённые лицами, не обладающими необходимой гражданской дееспособностью (статья 125); сделки, совершённые вследствие ошибки, обмана или принуждения (статья 126); сделки, признанные недействительными по форме, если форма не соответствует установленным законом требованиям (статья 129) [1, С.31].

Правильная юридическая квалификация недействительных гражданско-правовых сделок имеет существенное значение для надлежащей защиты законных прав и интересов участников гражданских правоотношений, обеспечения справедливости, транспарентности сделок, а также способствует укреплению правопорядка и правовой дисциплины в обществе [6, 122].

2. Правовые последствия признания гражданско-правовой сделки недействительной

Признание гражданско-правовой сделки недействительной порождает сложный комплекс правовых последствий, требующих надлежащего правового урегулирования. Эти последствия прямо регулируются статьёй 131 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 года, [1, С.30] в которой установлены следующие положения:

1. Стороны обязаны возратить друг другу всё полученное по сделке, тем самым восстановив первоначальное имущественное положение;

2. В случае невозможности возврата предмета сделки в натуре, производится его денежная компенсация;

3. Сторона, по вине которой признана недействительность сделки и которая причинила ущерб другой стороне, обязана возместить понесённые убытки;

4. Права добросовестных третьих лиц, приобретённые на основе недействительной сделки, подлежат защите в порядке, установленном законодательством;

Таким образом, правовые последствия признания сделки недействительной не ограничиваются лишь прекращением соответствующего гражданского правоотношения. Они также охватывают: имущественные обязательства сторон по реституции или компенсации; возложение гражданско-правовой ответственности на виновную сторону; регулирование правовых последствий в отношении третьих лиц, действовавших добросовестно.

Данные положения направлены на восстановление справедливого правового баланса, защиту прав и законных интересов участников сделки и иных вовлечённых лиц, а также на укрепление правовой определённости и стабильности гражданского оборота.

2. Анализ и комментарии к отдельным правовым последствиям

2.1. Восстановление первоначального положения и возврат полученного

Одним из основных правовых последствий признания сделки недействительной является обязанность сторон вернуть друг другу полученное, что реализует принцип *restitutio in integrum* – восстановления положения, существовавшего до заключения сделки. Этот принцип направлен на восстановление справедливости и предотвращение необоснованного обогащения какой-либо из сторон.

Однако на практике возникают затруднения, когда объект сделки утрачен, повреждён или больше не существует. В таких случаях возврат в натуре невозможен, и применяется денежная компенсация. При этом отсутствие чётко установленных правил определения стоимости возврата (на дату сделки, на момент вынесения решения суда или на текущую дату) приводит к неоднородной судебной практике и потенциальной несправедливости. Эти обстоятельства требуют нормативного уточнения порядка и даты оценки для обеспечения единообразия и справедливости при применении реституции.

2.2. Возмещение убытков как ключевой правовой механизм защиты

Другим важным последствием признания сделки недействительной является обязанность виновной стороны возместить причинённый ущерб, что соответствует общеправовому принципу: *«кто причинил вред – тот и отвечает»*. Эта мера направлена как на компенсацию реального ущерба, так и на предупреждение безответственного поведения участников гражданского оборота [5, 97].

Этот случай подтверждает, что правовые последствия недействительности сделки выходят за рамки простого возврата имущества, включая: прямой ущерб (например, уплаченные суммы); косвенный ущерб (в том числе упущенную выгоду или санкции со стороны третьих лиц).

Таким образом, институт возмещения убытков играет ключевую роль в обеспечении справедливости и восстановлении нарушенного баланса интересов сторон в гражданских правоотношениях.

2.3. Добросовестность третьих лиц и защита их прав

Одним из наиболее спорных и сложных аспектов в регулировании последствий недействительных сделок является определение правового статуса добросовестных третьих лиц. На практике вопрос о добросовестности вызывает значительные трудности и требует тщательной оценки конкретных обстоятельств дела.

Согласно правовой позиции, изложенной в Прецеденте № 04/2016/AL, утверждённом Советом судей Верховного народного суда Вьетнама, третье лицо может быть признано добросовестным, если оно *«не знало и не должно было знать»* о незаконном происхождении имущества, приобретённого в результате недействительной сделки.

В то же время, в делах, касающихся недвижимого имущества, правоприменительная практика занимает более устойчивую позицию: если третье лицо: заключило сделку с соблюдением всех законных процедур; получило нотариально удостоверенный договор; зарегистрировало право собственности в соответствующих органах, то оно считается добросовестным приобретателем, и его права подлежат защите даже в случае последующего признания сделки недействительной.

Такой подход обеспечивает стабильность гражданского оборота, укрепляет доверие к институтам государственной регистрации и нотариата, а также предотвращает злоупотребления со стороны недобросовестных участников сделок.

Таким образом, признание и защита прав добросовестных третьих лиц требует взвешенного баланса между: защитой интересов первоначальных сторон сделки; и необходимостью охраны стабильности имущественных правоотношений и доверия к обороту [4, 10].

3. Некоторые проблемы правоприменительной практики и предложения по совершенствованию законодательства

3.1. Проблемы определения стоимости имущества и сроков исполнения обязательств по возврату

Пункт 1 статьи 131 Гражданского кодекса 2015 года [1, С.30] предусматривает, что при невозможности возврата имущества в натуре стороны обязаны осуществить возврат в денежной форме. Однако закон не уточняет, на какой момент должна определяться стоимость имущества – на дату заключения сделки, признания её недействительной или фактического возврата. Это приводит к правовой неопределённости и противоречивой судебной практике: если ориентироваться на дату заключения сделки, это может привести к занижению фактической стоимости имущества на момент возврата, что ущемляет интересы пострадавшей стороны; если же учитывать момент вынесения судебного решения или осуществления реституции, стоимость имущества может существенно возрасти, что создаёт чрезмерное финансовое бремя для стороны, обязанной к возврату.

3.2. Проблемы в определении степени вины и возмещении ущерба

Действующее законодательство не содержит чётких положений, регулирующих распределение степени вины между сторонами в случаях, когда обе стороны признаны виновными либо степень их вины затруднительно установить. Это создаёт сложности для правоприменительных органов и может привести к нарушению прав и законных интересов участников сделки.

3.3. Проблемы при определении добросовестных третьих лиц

Понятие «добросовестное третье лицо», закреплённое в статье 133 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 года, по-прежнему остаётся слишком обобщённым и не содержит чётких критериев для его практического применения. Судебная практика демонстрирует случаи, когда положения о защите добросовестных третьих лиц используются для легализации действий, направленных на извлечение выгоды: покупки незаконно приобретённого имущества по заниженной цене с последующей его перепродажей. Кроме того, в некоторых делах компетентные органы механически применяют критерий «не знал и не мог знать», что приводит к ущемлению прав законных владельцев имущества, особенно в отношении объектов недвижимости.

В заключение следует отметить, что недействительные гражданско-правовые сделки и их правовые последствия представляют собой сложную и многогранную сферу, требующую глубокого анализа, верного толкования правовых норм и внимательного подхода к оценке конкретных обстоятельств. Судебная практика подтверждает, что, несмотря на наличие в Гражданском кодексе Вьетнама 2015 года конкретных положений, применение этих норм на практике остаётся затруднительным – особенно в части определения стоимости возврата, распределения ответственности за причинённый ущерб и защиты прав добросовестных третьих лиц.

Для надлежащей защиты законных прав и интересов участников гражданского оборота, а также в целях укрепления правопорядка, необходимо продолжать совершенствование законодательства, расширять применение судебных прецедентов и активизировать деятельность Верховного народного суда по официальному толкованию правовых норм. Важно также повышать уровень правовой осведомлённости населения, что позволит сократить количество нарушений и повысить правовую безопасность гражданских сделок в условиях углубляющейся международной интеграции.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс № 91/2015/QN13 от 24.11.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17200> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Постановление № 03/2012/NQ-НДТР от 3 декабря 2012 года Совета судей Верховного народного суда.
3. Прецедент № 02/2016/AL об определении добросовестных третьих лиц.
4. Прецедент № 04/2016/AL о правах добросовестных третьих лиц в имущественных сделках.
5. Нгуен Ван Кыонг. *Научный комментарий к Гражданскому кодексу 2015 года*. Издательство «Справедливость», 2019.
6. Нгуен Хыу Фуок. *Разрешение гражданских споров – теоретические и практические вопросы*. Издательство Hong Duc, 2021.

4.4. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ефимин Егор Сергеевич

студент,

Поволжский институт управления

*им. П.А. Столыпина, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Саратов*

Командирова Татьяна Геннадиевна

научный руководитель, канд. юрид. наук,

*доцент кафедры конституционного и международного права
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Саратов*

COMPARISON OF THE INSTITUTE OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN RUSSIA, GERMANY AND THE UK

Egor Efimin

Student,

*Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Russia, Saratov*

Tatyana Komandirova

Scientific supervisor,

*PhD in Law, associate professor of the Department
of Constitutional and International Law Volga Region Institute
of Management named after P.A. Stolypin,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Saratov*

Аннотация. Современные вызовы в сфере защиты прав человека и обеспечения верховенства Конституции требуют эффективного функционирования институтов конституционного контроля. В условиях усиливающейся глобализации и правовой дифференциации сравнительно-правовой метод позволяет выявить сильные и слабые стороны национальных систем и предложить обоснованные пути развития российского законодательства. Особую актуальность исследование приобретает в контексте реформ 2020 года, повлекших за собой изменения в системе российского конституционного контроля.

Abstract. Modern challenges in the field of human rights protection and ensuring the supremacy of the Constitution require the effective functioning of institutions of constitutional control. In the context of increasing globalization and legal differentiation, the comparative legal method makes it possible to identify the strengths and weaknesses of national systems and propose sound ways to develop Russian legislation. The study is particularly relevant in the context of the 2020 reforms, which led to changes in the Russian constitutional control system.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, конституционный контроль, судебная реформа, Конституционный Суд.

Keywords: judicial power, judicial system, constitutional control, judicial reform, Constitutional Court.

Ключевая научно-практическая проблема заключается в выявлении и обосновании оптимальной модели конституционного контроля, способной обеспечить эффективную защиту конституционных прав и свобод, укрепление устойчивости правовой системы, а также её соответствие универсальным признанным международным стандартам в области конституционной юстиции.

В рамках данной проблематики актуализируются следующие исследовательские вопросы: насколько действенна российская модель конституционного контроля в сравнении с зарубежными правовыми системами? Какие институциональные элементы и механизмы, характерные для иностранных моделей конституционного контроля, представляют научно-практический интерес с точки зрения их возможной адаптации и интеграции в российскую правовую систему?

Из рассматриваемых источников права, регулирующих данный институт следует выделить следующие: Россия – Конституция РФ [5], ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8]; Германия – Основной закон ФРГ (Grundgesetz) [2], Закон о Федеральном Конституционном Суде Германии (BVerfGG) [1]; Великобритания – Human Rights Act [3], прецеденты Верховного Суда Великобритании [4].

Конституционный контроль как юридический и политико-правовой институт обеспечивает верховенство Основного Закона, ограничивает произвол власти и защищает права человека. В условиях глобальных вызовов, усиления внешнего давления и внутренней потребности в обновлении правовой системы вопрос оптимизации модели конституционного контроля приобретает исключительное значение для России. Сравнение с иными правовыми системами – особенно континентальной моделью Германии и англосаксонской Великобритании – позволяет выявить не только структурные особенности, но и потенциальные направления развития.

Российская модель исторически тяготеет к централизованной модели контроля, где единственный орган – Конституционный Суд РФ – обладает исключительным правом толковать и проверять нормы на соответствие Конституции. В Германии схожий подход, однако контроль доступнее гражданам (через Verfassungsbeschwerde) и более эффективно интегрирован в практику.

В Великобритании отсутствует единый орган конституционного контроля – но реализуется децентрализованный прецедентный подход, где Верховный суд действует в рамках парламентского суверенитета и прав человека на основе Human Rights Act 1998 [3].

Конституционный контроль в России можно разделить на предварительный и текущий. Текущий осуществляется в рамках индивидуальной жалобы. Так, Статья 125 Конституции РФ гарантирует гражданам право на обращение в Конституционный Суд для защиты их прав, если нормативные акты нарушают их права и свободы [5]. Однако существует важное ограничение: жалоба может быть подана только после исчерпания иных инстанций (ч.2 ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») [8].

Помимо индивидуальной жалобы, в России также предусмотрена возможность подачи жалоб органами власти и местного самоуправления, а также юридическими лицами. Это позволяет различным юридическим лицам, государственным и муниципальным органам оспаривать в Конституционном Суде нормативные акты, которые затрагивают их полномочия или противоречат их правам. Это закреплено в статье 125 Конституции РФ [5], а также в ч. 1 ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [8]. Должностные лица, как правило, могут подавать жалобы в Конституционный Суд через их официальные органы, если они считают, что нормативные акты нарушают их полномочия или права.

Что касается предварительного конституционного контроля, то он существовал и до 2020 года, но распространялся в основном на нератифицированные международные договоры и соглашения [6, с. 2]. Расширение его механизма с 2020 года позволяет Президенту Российской Федерации запрашивать у Конституционного Суда проверку закона до его подписания, что существенно увеличивает защиту Конституции и предотвращает принятие неконституционных законов на стадии их разработки.

Вопрос о необходимости расширения института предварительного конституционного контроля поднимался неоднократно, так Ю.А. Тихомиров ранее отмечал: «Как представляется, такое право – право предварительного контроля – необходимо предоставить Конституционному Суду Российской Федерации. Контроль ex post facto (после того, как действие совершено) зачастую теряет свою рациональность, не всегда эффективен» [7, с. 26].

Что касается Конституционного контроля в Германии, то там используется более открытый и гибкий подход к конституционному контролю. Конституционный Суд Германии (BVerfG) обладает широкими

полномочиями, включая возможность принимать индивидуальные жалобы от граждан, юридических лиц, а также объединений, если они утверждают, что были лично затронуты в своих основных правах действиями публичной власти. Однако, кроме этого, Конституционный суд принимает и обращения от органов государственной власти, в частности в рамках абстрактного контроля, органо-споров и федеративных споров. Так, федеральное правительство, правительство федеральной земли или не менее 1/4 депутатов Бундестага могут инициировать абстрактный контроль закона на соответствие Конституции (ст. 76 BVerfGG). В рамках спора между конституционными органами (Organstreitverfahren) обращаться в суд могут высшие федеральные органы власти (например, Бундестаг, Бундесрат, Федеральный президент, федеральное правительство и его члены), если они считают, что их компетенция нарушена другим федеральным органом (ст. 63–67 BVerfGG). Субъектами подачи жалобы по вопросам компетенции могут быть также власти земель (Länder) и Федерация в целом (ст. 68–70 BVerfGG) [1].

Под открытым и гибким подходом следует понимать то, что Verfassungsbeschwerde (индивидуальную жалобу) может подать любой, кто считает, что его основные права нарушены, даже без привлечения к делу (п. 1, 4а статья 94 Основного закона ФРГ (Grundgesetz)) [2]. И, в отличие от России, где жалоба подается для проверки конституционности законов и иных нормативно-правовых актов (п. 4 ч. 4 ст. 125 Конституции РФ [5]), обжаловать в ФРГ можно не только нормативно-правовые акты, но действия (бездействия) или решения госорганов, судебные акты (вплоть до решений Верховного суда). Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 90 BVerfGG: «Федеральный конституционный суд может вынести решение по конституционной жалобе, поданной до исчерпания всех средств правовой защиты, если жалоба имеет общее значение или если предшествующее обращение в другие суды нанесет истцу серьезный и неизбежный ущерб» [1].

Что касается субъектности юридических лиц, то в соответствии с п. 3 статьи 19 GG: «Основные права применяются также к национальным юридическим лицам в той мере, в какой это позволяет характер таких прав» [2].

Что касается предварительного конституционного контроля, то в Германии он отсутствует в классическом виде, который применяется во Франции или России. Крайне интересной представляется модель Великобритании. В Великобритании конституционный контроль не централизован, как в России или Германии. Вместо этого судебная система осуществляет контроль за соответствием законов с правами человека

через систему прецедентного права и нормы, закреплённые в Human Rights Act 1998 [3]. Субъектами являются граждане и организации, которые могут подать жалобу на нарушение прав человека, предусмотренных в Европейской Конвенции о правах человека. Однако должностные лица не имеют прямого права подать жалобу в суд, и конституционный контроль реализуется через судебные разбирательства по вопросам прав человека: «Насколько это возможно, первичное законодательство и подзаконные акты должны рассматриваться и осуществляться таким образом, чтобы это было совместимо с правами, закреплёнными в Конвенции» [3, с. 3]. В Великобритании органы государственной власти не обладают прямым правом подачи жалоб в Конституционный Суд, поскольку в стране нет единого органа для конституционного контроля. Вместо этого решения принимаются через судебную систему, включая Верховный Суд, а до 2009 года – Палатой лордов в том числе. Своеобразное решение о «неконституционности» акта суд принимает на основании декларации о несовместимости (declaration of incompatibility), которая, впрочем, автоматически не аннулирует норму [3, с.3-4]. Тем не менее, такое решение направлено на изменение закона. Стоит отметить, что английская система не включает в себя механизм предварительного контроля, и это создает более гибкий подход к обеспечению прав человека. Примером контроля со стороны судов за конституционными принципами можно считать решение Верховного Суда Великобритании по делу «R (on the application of UNISON) v Lord Chancellor» [4, с.21], которым суд признал акт органа власти незаконным и недействительным, указав, что он нарушает основополагающий принцип доступа к правосудию, вытекающий из конституционных традиций и принципа верховенства права (rule of law). Сравнительный анализ конституционного контроля в России, Германии и Великобритании показал ключевые различия в подходах к регулированию этого института. В России модель предварительного контроля и возможности подачи жалоб являются важными инструментами, но существует потенциал для улучшения. Принимая во внимание опыт зарубежных стран, целесообразность и необходимость, предлагается внести изменения в контексте упрощения процедуры подачи жалобы – исключить обязательность исчерпания всех судебных инстанций перед подачей жалобы в Конституционный Суд, чтобы ускорить процесс защиты прав граждан.

Список литературы:

1. Act on the Federal Constitutional Court // Bundesministerium der Justiz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bverfgg/englisch_bverfgg.pdf (дата обращения 05.04.2025).

2. Basic Law for the Federal Republic of Germany // Bundesministerium der Justiz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.pdf (дата обращения 05.04.2025).
3. Human Rights Act 1998 // UK Legislation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/data.pdf> (дата обращения 05.04.2025).
4. R (on the application of UNISON) v Lord Chancellor [2017] UKSC 51 // British and Irish Legal Information Institute [Электронный ресурс]: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2017/51.pdf> (дата обращения 05.04.2025).
5. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения 02.04.2025).
6. Санченко И.Д. Предварительный конституционный контроль в Российской Федерации и Французской Республике // Вопросы российской юстиции. 2020. №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnyy-konstitutsionnyy-kontrol-v-rossiyskoy-federatsii-i-frantsuzskoy-respublike> (дата обращения: 5.04.2025).
7. Тихомиров Ю.А. Конституция, закон, подзаконный акт. – М.: Юрид. лит., 1994. – 136 с.
8. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (дата обращения 02.04.2025).

4.5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ

Пасечник Татьяна Сергеевна

*студент направления – юриспруденция,
Сибирский Государственный Университет
Путей Сообщения,
РФ, г. Новосибирск*

Черепкова Владислава Сергеевна

*студент направления – юриспруденция,
Сибирский Государственный Университет
Путей Сообщения,
РФ, г. Новосибирск*

Шатилова Оксана Анатольевна

*научный руководитель,
доцент
Сибирский Государственный Университет Путей Сообщения,
РФ, г. Новосибирск*

THE PROBLEMS WITH THE USE OF LIFE IMPRISONMENT IN RUSSIA

Tatiana Pasechnik

*Student of the direction – law,
Siberian State University of Railway Engineering,
Russia, Novosibirsk*

Vladislava Cherepkova

*Student of the direction – law,
Siberian State University of Railway Engineering,
Russia, Novosibirsk*

Oksana Shatilova

Scientific supervisor,

Associate Professor

Siberian State University of Railway Engineering,

Russia, Novosibirsk

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с применением меры наказания в виде пожизненного лишения свободы в Российской Федерации. Проводится обзор законодательства, регулирующего институт пожизненного лишения свободы, включая его правовые основания и критерии назначения.

Abstract. This article discusses current issues related to the use of life imprisonment in the Russian Federation. The legislation regulating the institution of life imprisonment, including its legal grounds and criteria for appointment, is being reviewed.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, наказание, лишение свободы, осужденный.

Keywords: criminal law, criminal punishment, life imprisonment, punishment, imprisonment, convicted.

Лишение свободы на неопределенный срок, вплоть до естественной кончины заключенного, представляет собой исключительную меру уголовного наказания. Данная мера, закрепленная в Уголовном кодексе РФ, преследует цели не только возмездия за совершенное преступление, но и предотвращения новых правонарушений как со стороны осужденного, так и со стороны других граждан.

В настоящее время пожизненное заключение является одним из наиболее сложных и дискуссионных видов наказания, реализация которого сопряжена с рядом проблем, требующих решения. Его назначают за особо тяжкие преступления против жизни и общественной безопасности. Отбывание наказания происходит в колониях особого режима, где наиболее остро проявляются вопросы эффективности и достижения целей наказания.

На начальном этапе осужденные осознают отсутствие перспектив освобождения (несмотря на гипотетическую возможность УДО через 25 лет), что вызывает глубокое подавление, отчаяние и суицидальные наклонности. Это выражается, в частности, в обращениях с просьбой о применении смертной казни. Длительная изоляция, особенно в условиях содержания в камерах не более чем по два человека, а иногда

и в одиночных камерах (согласно ст. 127 УИК РФ), негативно влияет на психическое состояние заключенных [1, ст.57].

Социально-психологические и уголовно-правовые характеристики лиц, отбывающих пожизненное заключение, зачастую крайне негативны, они склонны к агрессии и представляют опасность. Необходимо более детально разработать вопросы условно-досрочного освобождения, создать надлежащие условия содержания и организовать воспитательную работу так, чтобы у большинства осужденных появилась надежда на освобождение. Важно поддерживать их физическое и психическое здоровье, способствовать поддержанию родственных связей и осуществлять подготовку к возможному освобождению [2, с. 130].

Согласно ч. 2 ст. 57 Уголовного кодекса РФ, пожизненное заключение может быть назначено лишь определенной категории лиц: мужчинам в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет. Хотя эта мера базируется на принципах гуманности и правосудия, некоторые исследователи и юристы усматривают в ней элементы дискриминации по половому признаку. К примеру, Е.Н. Казаков отмечает, что за совершение квалифицированного убийства женщине может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет. Это свидетельствует о том, что при сопоставимой степени общественной опасности совершенного преступления, мужчина несет более суровое наказание, чем женщина, исключительно из-за своей половой принадлежности [3, с.70].

Вопрос о гендерных аспектах при назначении наказаний вызывает серьезные разногласия. Изначально законодатель, опираясь на представления о биологических и психологических различиях между мужчинами и женщинами, не принял во внимание случаи, когда женщины совершают преступления, отличающиеся особой жестокостью и изощренностью, в том числе против собственных детей. В связи с этим, представляется необходимым ввести в российское уголовное законодательство возможность назначения пожизненного лишения свободы и для женщин.

Такая позиция представляется обоснованной, поскольку существующее положение дел, на наш взгляд, нарушает принцип равенства всех граждан перед законом и не обеспечивает соответствие наказания тяжести совершенного преступления. Предлагается предусмотреть возможность применения данной меры уголовного наказания и в отношении осужденных женщин, при этом предоставив им право на условно-досрочное освобождение после отбытия не менее десяти лет лишения свободы [4, с.35].

Введение такой меры, по нашему мнению, будет оказывать сдерживающее воздействие на потенциальных преступников.

Одной из ключевых проблем в пенитенциарных учреждениях ФСИН является предоставление занятости заключенным, что особенно остро стоит в исправительных колониях особого режима для лиц, отбывающих пожизненное заключение. Согласно данным переписи заключенных 2009 года, 85,3 % приговоренных к пожизненному лишению свободы являются трудоспособными. Однако, лишь небольшая часть (30,5 %) из них вовлечена в общественно полезный труд, преимущественно в швейном производстве (79,1 % от всех трудоустроенных).

Администрации уголовно-исполнительной системы необходимо уделять приоритетное внимание вопросам трудоустройства осужденных и принимать более эффективные меры для оптимизации их трудовой деятельности. Учитывая специфику условий содержания, включая постоянное нахождение в камере и ограниченное общение, трудовая деятельность может служить мощным стимулом для поддержания правопослушного поведения, элементарного стремления к жизни и демонстрации прогресса в исправлении, что может повлиять на возможность условно-досрочного освобождения в будущем. Важно помнить, что большинство лиц, приговоренных к пожизненному заключению, совершили множество убийств, включая убийства женщин, несовершеннолетних, а в некоторых случаях и детей [5, с.34].

Необходимо отметить, что в Уголовно-исполнительном кодексе отсутствует отдельная глава, посвященная порядку исполнения пожизненного заключения, в отличие от других видов уголовных наказаний, для которых предусмотрены самостоятельные разделы и главы. В результате, при реализации этого вида наказания приходится опираться на нормы, регулирующие исполнение обычного лишения свободы. Полагаем, что данный законодательный пробел требует устранения.

При этом уголовно-исполнительные аспекты пожизненного лишения свободы продолжают привлекать внимание ученых и практиков из-за своей спорности, что обуславливает потребность в их дальнейшем глубоком изучении и улучшении. Можно с уверенностью утверждать, что вопросы, связанные с пожизненным лишением свободы и затронутые в настоящей работе, сохраняют свою актуальность как для уголовного права, так и для общества в целом. Для эффективного решения этих проблем необходим комплексный подход.

Для эффективного преодоления психологических проблем у лиц, отбывающих пожизненное заключение, целесообразно использовать комплексный подход.

Таким образом, нет оснований поддерживать практику пожизненного заключения, если рассматривать ее с позиций пенологии, стремящейся к целям уголовного наказания в виде лишения свободы, или оценивать ее эффективность в плане предотвращения преступлений.

Другими словами, с точки зрения как целей исправления и перевоспитания заключенных, так и задач профилактики преступности, пожизненное заключение не имеет под собой убедительных аргументов в пользу его применения. Его существование не может быть оправдано ни с точки зрения достижения целей наказания, ни с точки зрения его способности предотвращать совершение новых преступлений.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) – Ст.57.
2. Абдрахманова, Е.Р. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как «мужские» наказания/ Е.Р. Абдрахманова, И.С. Савельев //Российский следователь. – 2014. – №13. – С. 31-35.
3. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И.А., Улезько С.И. – Москва: Проспект. 2020. – 768 с.
4. Арсенова А.А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве// Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5. – № 4. – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Иногамова-Хегай, Л.В. Российское уголовное право. Общая часть / Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога и др. – 4-е изд., перераб. и доп. в 2 т. Т. 1. – М.: Проспект, 2019. – 462 с.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Плещеев Григорий Павлович

магистрант,

Национальный Исследовательский

Нижегородский Государственный университет

имени Н.И. Лобачевского,

РФ, г. Нижний Новгород

Аннотация. В научной статье обсуждается вопрос решения практических проблем привлечения к уголовной ответственности за коммерческий подкуп. В работе представлен краткий анализ статистики коррупционных преступлений в коммерческой сфере, обоснована необходимость противодействия коррупционным преступлениям на примере коммерческого подкупа и предложены перспективные направления решения обозначенных проблем. Статья рассматривает текущее состояние российского бизнеса в части готовности к принятию внутренних мер по противодействию коррупции в организациях.

Ключевые слова. Коррупция, коммерческий подкуп, уголовная ответственность, антикоррупционный аудит, высокая латентность преступности.

Основными коррупционными преступлениями в коммерческой сфере являются злоупотребление полномочиями (ст.201 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст.204 УК РФ) [8]. Среди всей преступности в России преступления против интересов службы в коммерческих организациях занимают совсем небольшую долю – так, за 2023 год органы МВД России зарегистрировали всего 1571 факт коммерческого подкупа, из которых раскрыты были 1353 преступления, при этом, всего за 2023 год было зарегистрировано 1947161 преступление, из которых раскрыто 997689 преступлений [7].

Из представленных правоохранительными органами данных можно утверждать, во-первых, о высокой латентности коррупционных преступлений в коммерческой сфере, поскольку в эпоху рыночной экономики при общей численности преступлений на страну в почти два миллиона число в полторы тысячи не выглядит соответствующим реальной коррупционной ситуации, во-вторых, о хорошей раскрываемости коммерческого подкупа, поскольку, опять же, в сравнении с

данными по общему количеству преступлений, их которых раскрыто за год всего около половины, по коммерческому подкупу нераскрытыми остались всего около 13 % преступлений.

Можно произвести вывод о том, что организация деятельности следователей и оперативных сотрудников по работе с уже зарегистрированным коммерческим подкупом находится на высоком уровне, и важно улучшать ситуацию именно по выявляемости коррупции в коммерческом секторе.

Интересно, что распространенной причиной осуществления коррупционных преступлений в коммерческом секторе является необходимость сонскателя занять какую-либо «выгодную» должность. Например, одним из громких прецедентов было привлечение директора авиакомпании к уголовной ответственности за получение коммерческого подкупа размером в полтора миллиона рублей за принятие лица на должность пилота в эту компанию [2]. Эксперты справочной системы «Консультант Плюс» отмечают, что инициатором коммерческого подкупа, судя по судебной практике, часто выступает именно выгодополучатель, то есть, директор, управляющий, иное лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, при этом, подобное положение дел не требует сопутствующего привлечения управленца еще и за вымогательство, поскольку его деяние полностью охватывается диспозицией коммерческого подкупа [4]. В рассмотренном случае наглядно видны, во-первых, причины высокой латентности коммерческого подкупа, во-вторых, его общественная опасность. Так, все лица, вовлеченные в преступление, являются либо выгодополучателем (директор, принимающий решение о принятии пилота на работу и получающий деньги от него), либо самим пилотом, который тоже получает выгоду (высокий уровень дохода, престиж места работы, карьерные перспективы), либо посредниками, которые тоже получают деньги за участие в коррупции и за сокрытие преступления от правоохранителей. Соответственно, чтобы факт преступления «дошел» до правоохранительных органов, требуется, чтобы хотя бы один из участников этой цепочки остался недоволен ее условиями или результатом, то есть, «со стороны», без показаний непосредственных участников преступлений, выявить эти преступления действительно сложно. Помимо этого, подобные преступления могут повлечь ситуацию, когда к управлению авиатранспортом будет допущен некомпетентный, не годный по состоянию здоровья, по иным причинам не подходящий для этой работы человек, из-за которого могут серьезно пострадать люди. Разумеется, коррупция в коммерции наносит большой репутационный (и, как следствие, экономический) ущерб самой органи-

зации, в рамках которой подобное происходит – если обществу становятся известны факты «продажи» должности пилота в конкретной авиакомпании, к ней закономерно резко снизится доверие путешественников, и их выбор сместится на компанию-конкурента.

Важно отметить на примере выбранной сферы (авиаперелеты), что коррупционные преступления могут быть связаны не только с трудоустройством «в обход» требований и общего конкурса, но также и с содействием в выигрыше контрагентами конкурсов по заключению договоров на поставку питания, посуды, и т.п., также с планированием маршрутов пилотов с наибольшим полетным временем для увеличения заработной платы, с назначением дополнительных выходных дней работников за вознаграждение, и т.п. [9] [5]. Как видим, форм и способов применения коррупционных механизмов в коммерческих организациях достаточно много, и в структуру коррупционной деятельности могут быть вовлечены не только высшие менеджеры, лица, принимающие решения, но и сотрудники, отвечающие за логистику, планирование полетов и маршрутов, графики рабочего времени, и многие другие сотрудники, что еще раз практически обосновывает латентность данного рода преступности и высокую степень риска, требующую принятия соответствующих мер как на уровне государства, так и на уровне самой коммерческой компании. Например, известный российский авиаперевозчик «Аэрофлот» заявляет о нулевой толерантности к коррупции, о присоединении в 2014 году к Антикоррупционной хартии российского бизнеса, о наличии в компании Антикоррупционной политики и Кодекса корпоративной этики – то есть, можно заметить, что формальные шаги в направлении исключения коррупции из деятельности компании в «Аэрофлоте» предприняты, и важным остается соблюдение заявленных высоких стандартов и правил [6].

Следует подробнее остановиться на Антикоррупционной хартии российского бизнеса – это принятый на базе Торгово-промышленной палаты РФ в 2012 году документ, предполагающий добровольное присоединение российских компаний к его соблюдению в части также добровольных самоограничений в отношениях внутри компании, с контрагентами и государством [1]. К подобным самоограничениям и мерам относят принятие программных документов (стратегии, антикоррупционная политика, кодексы этики), антикоррупционный мониторинг, финансовый контроль, обучение кадров, публичность антикоррупционных мер, и т.п. – важно положительно отметить стремления российского бизнеса в борьбе с коррупцией, поскольку к Хартии присоединились крупнейшие компании, в том числе, авиакомпании, ор-

ганизации снабжения, крупные предприятия; также в перечне присоединившихся есть и индивидуальные предприниматели, что свидетельствует о широком признании проблемы коррупции не только на государственном уровне, но и на уровне российского бизнеса, а также о готовности предпринимать активные меры по решению проблемы коррупции.

Нормативное регулирование уголовной ответственности за коммерческий подкуп уже на современном этапе можно признать достаточно хорошо развитым [3, с. 650]. Так, в уголовно-правовых нормах отсутствуют препятствия, ограничивающие субъекта по признакам его позиции в компании; возможное содержание предмета подкупа описано достаточно широко; и даже само деяние не ограничено полномочиями управленца, а также предполагает ответственность и в случаях, когда он мог лишь способствовать определенным деяниям. Безусловно, у правового регулирования данной сферы еще есть перспективы совершенствования, но и уже достигнутый уровень регулирования оценивается высоким.

Соответственно, если исходить из того, что выявляемость коррупционных преступлений зависит от сообщения одного из его участников в правоохранительные органы, может ошибочно показаться полезной практика поощрения за сообщения-донесения о преступлениях – данные идеи исторически опровергнуты и потенциально способны привести к привлечению невиновных людей к уголовной ответственности, поэтому следовать данной практике категорически не рекомендуется. При этом, перспективными признаются следующие направления работы с данной проблемой:

- включение в цепочку принятия управленческих решений по коррупциогенным вопросам как можно большего количества специалистов, чтобы исключить возможность подкупить одного-двух людей, и сделать коррупцию в коммерческих организациях технически сложнее или, попросту, невозможной;
- установление исчерпывающе прозрачных требований к соискателям, введение практики обязательной обратной связи организации-работодателя в трудовых отношениях, чтобы соискатели точно понимали, что именно нужно сделать, чтобы занять вакантное место, и что именно «пошло не так», если в принятии на работу отказано;
- контроль антикоррупционной политики компаний в части обязательности принятия и соблюдения внутренних кодексов этики и профессионального поведения работников, наличия специально уполномоченного лица (лиц), обязанного разрешать конфликты интересов и проводить в организации антикоррупционное просвещение;

• внедрение в коммерческую практику обязательного антикоррупционного аудита, в ходе которого могут быть выявлены, в том числе, коррупционные преступления.

Список литературы:

1. Антикоррупционная хартия российского бизнеса // Торгово-промышленная палата РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.tpprf.ru/charter/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. В Подмосковье руководители авиакомпании осуждены по делу о взятке в 1,5 млн рублей / Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/cfOOPz7> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы привлечения к ответственности за преступления коррупционной направленности на примере коммерческого подкупа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31. № 4. С. 647-653.
4. Коммерческий подкуп: анализ судебной практики / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/Wtpjz> (дата обращения: 25.11.2024).
5. На Дону сотрудника авиакомпании «Азимут» заподозрили в подкупе // Коммерсант (новостное издание) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7695950> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Противодействие коррупции // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: https://www.aeroflot.ru/xx-ru/about/anticorruption?_preferredLocale=xx&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F&_preferredLanguage=ru (дата обращения: 10.05.2025).
7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 / портал МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.11.2024).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ [ред. от 09.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024] // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст.2954.
9. Экс-сотрудника авиакомпании «Якутия» осудили на 7 лет за взятки // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/07/04/reg-dfo/eks-sotrudnika-aviakompanii-iakutii-a-osudili-na-7-let-za-vziatki.html> (дата обращения: 10.05.2025).

4.6. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕРКИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ВЫДАЧИ ЛИЦ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Скорик Даниил Дмитриевич

*помощник судьи,
Санкт-Петербургский городской суд,
РФ, г. Санкт-Петербург*

SOME ISSUES OF VERIFYING THE LEGALITY AND VALIDITY OF THE EXTRADITION OF PERSONS FOR CRIMINAL PROSECUTION OR EXECUTION OF A SENTENCE

Daniil Skorik

*Assistant Judge,
St. Petersburg City Court,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье рассматривается ряд правоприменительных проблем выдачи лиц целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора в современном уголовном процессе Российской Федерации. Обращается внимание на важность экстрадиционной проверки, являющейся частью процедуры выдачи. Анализируется соотношение института выдачи и его реализации в сравнении с правами человека и их защитой.

Abstract. The article examines a number of law enforcement problems of extradition of persons for the purpose of criminal prosecution or execution of a sentence in the modern criminal process of the Russian Federation. Attention is drawn to the importance of the extradition check, which is part of the extradition procedure. The article analyzes the relationship between the institution of extradition and its implementation in comparison with human rights and their protection.

Ключевые слова: выдача, органы прокуратуры, уголовное преследование, международное сотрудничество.

Keywords: extradition, prosecution authorities, criminal prosecution, international cooperation.

Нормы Конституции Российской Федерации регулируют выдачу лиц по запросам государств либо непосредственно – прямым регулированием – статьями 61 и 63 Конституции РФ, либо опосредовано через регулирование смежных институтов, например, ст. 22 Конституции РФ – применение ареста, заключение под стражу и содержание под стражей только по судебному решению [7]. Решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории государства и обвиняемых в совершении преступления, осуществляется на основе международного договора либо на основе принципа взаимности, что закреплено также и в ч. 1 ст. 462 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [13].

В структуре УПК РФ выдача является совокупностью процессуальных действий при запросе о выдаче гражданина Российской Федерации из другого государства и относительно обособленной, имеющей признаки самостоятельного производства – при выдаче по запросам иностранных государств. Профессор Бойцов А.И. отмечал, что решение вопроса о выдаче является суверенным правом государства, но непременным условием при решении вопроса о выдаче должно быть обеспечение прав выдаваемого лица [3, с. 21]. Важным правом лица, попадающего в сферу уголовного судопроизводства, является право не подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 УПК РФ) [13]. Российская Федерация, осуществляя выдачу лица в иностранное государство, обязана обеспечить реализацию указанного права не только на своей территории, но и не допустить нарушения этого права на территории запрашивающего государства. Перечень оснований для отказа в выдаче, установленный в ст. 464 УПК РФ, не содержит возможности применения пыток в государстве, направляющем запрос о выдаче лица [13]. Однако согласно п. 3 Конвенции против пыток 1984 года [6], выдача невозможна при наличии оснований полагать о возможности применения пыток в запрашиваемой стране. При этом для определения наличия таких оснований компетентные власти обязаны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства. Защитить выдаваемое лицо от применения к нему пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения на территории запрашивающего государства можно, помимо отказа в выдаче, путем получения от запрашивающего государства гарантий неприменения к выданному лицу данных мер. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 июня

2012 г. № 11 разъяснил, что при оценке указанных обстоятельств «необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию» [10].

Изучение совокупности всех юридически важных обстоятельств необходимо для того, чтобы сделать правильный вывод: в случае выдачи лицу угрожают ненадлежащее обращение, либо лицо предпринимает попытки уйти от ответственности за совершенные преступления [12, с. 46]. К примеру, Апелляционным определением от 18.07.2018 № 18-АПУ18-11 Верховный Суд РФ оставил без удовлетворения апелляционную жалобу стороны защиты на постановление заместителя Генерального прокурора РФ об удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о выдаче гражданки Республики Казахстан А., обвиняемой в мошенничестве в особо крупном размере п. 2 ч. 4 ст. 190 УК Республики Казахстан, наказание за которое предусмотрено исключительно в виде лишения свободы на длительный срок [2]. Сторона защиты просила суд проявить гуманность, утверждала, что А. в случае выдачи будет подвергнута бесчеловечному обращению, отношение следственных органов и суда будет априори предвзятым, А. является русской по национальности, поэтому опасается предвзятости и дискриминации по политическим мотивам. Из представленных документов следовало, что А. инкриминировалось общеуголовное преступление, санкцией за совершение которого Уголовным кодексом РФ также предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Оснований полагать, что А. будет подвергнута жестокому обращению в связи с национальностью не имеется, приведенные доводы стороны о некорректных высказываниях отдельных граждан никоим образом не свидетельствуют о предвзятости со стороны следственных органов и суда. При этом в запросе о выдаче Генеральной прокуратуры Республики Казахстан указано, что предъявленное обвинение носит общеуголовный характер. Также представлены гарантии, что никакой дискриминации, в том числе по национальному признаку, А. подвергнута не будет. Вопрос соблюдения гарантий, позволяют ли они устранить реальный риск жестокого обращения лица, является дискуссионным. В частности, ЕСПЧ неоднократно критически высказывался относительно их соблюдения (с марта 2022 года постановления ЕСПЧ не имеют юридической силы для РФ) [14]. В этой связи необходимо отметить, что гарантии государства, направившего запрос

о выдаче, хоть формально не имеют юридической силы, тем не менее, должны учитываться при разрешении вопроса о выдаче. Возможно, механизм контроля за соблюдением выдаваемых гарантий нуждается в совершенствовании.

Серьезные нарушения прав лиц, в отношении которых направлен запрос о выдаче, могут быть результатом недостаточно тщательного, не в полном объеме, исследования прокурором всех обстоятельств, касающихся оснований отказа в выдаче. Так, основанием для отказа в выдаче согласно УПК РФ является несоблюдение правила двойной криминальности, то есть если деяние, послужившее основанием для экстрадиционного запроса, не является уголовно-наказуемым по закону РФ (п. 6 ч. 1 ст. 464 УПК РФ), либо если наказание за его совершение предусмотрено менее одного года (п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ) [13]. Соответственно, возникает вопрос о необходимости проверки обоснованности выдвигаемого обвинения со стороны государства, которому поступил запрос о выдаче лица.

Показательно разбирательство относительно запроса о выдаче гражданина Украины С. в 2017 году. Межрайонная прокуратура Республики Адыгея не нашла оснований к отказу в выдаче С., подозреваемого на территории Украины в совершении преступлений, связанных со злоупотреблениями в области предпринимательской деятельности, ходатайствовала об избрании меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу. Суд первой инстанции по итогам рассмотрения ходатайства 11 января 2017 года не усмотрел оснований для избрания столь строгой меры пресечения, постановил избрать меру пресечения в виде домашнего ареста на 40 суток. Апелляционное представление прокурора было оставлено без удовлетворения Верховным Судом Республики Адыгея 18 января 2017 года. Прокуратура ходатайствовала о продлении данной меры пресечения на срок 4 месяца 20 суток, что само по себе противоречит положениям п. 4 ст. 16 Конвенции 1957 года и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 14 июня 2012 года «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», изложенным в п. 18. При этом приведенные стороной защиты доводы о возможности несоразмерного наказания за деяние С. по уголовному закону Украины (наказание до 12 лет лишения свободы по ч. 5 ст. 191 УК Украины) при том, что нормами уголовного закона РФ за совершенное правонарушение в области предпринимательства предусмотрен штраф, были оценены судом как обоснованные и мотивированные. В результате выдаче

С. запрашиваемой стороне было отказано [1]. Таким образом, недостаточно тщательное изучение прокурором всех обстоятельств, касающихся условий осуществления выдачи и оснований отказа в выдаче, их неправильная оценка может повлечь серьезные нарушения прав лиц, в отношении которых запрошена выдача.

Примечательно, что защита С. приводила также довод о необходимости отказа в выдаче С. как гражданина Российской Федерации, апеллируя к положениям п. 5 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ [15]. С. пояснял, что родился в СССР, на протяжении более двадцати лет и на момент принятия Республики Крым в состав Российской Федерации проживал в Севастополе, считал и считает себя гражданином Российской Федерации, принял подданство Украины только в связи с невозможностью иначе заниматься предпринимательской деятельностью, осенью 2016 года подал заявления на получение российского гражданства и об отказе от гражданства Украины. Позиция органов прокуратуры заключалась в том, что на момент экстрадиционного запроса С. являлся гражданином Украины, не мог быть признан гражданином Российской Федерации по факту проживания в Крыму в связи с тем, что был зарегистрирован в Николаеве. Однако согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 4 октября 2016 года № 18-П [9] именно факт проживания лица на территории Крыма и Севастополя на день их вхождения в состав Российской Федерации, вне зависимости от наличия либо отсутствия регистрации в данных субъектах, является основанием для применения положений п. 5 ст. 4 указанного ФКЗ и гарантирует приобретение российского гражданства. Данный вопрос не был рассмотрен прокурором.

Между тем, Российская Федерация не выдает своих граждан согласно ст. 61 Конституции РФ [7]. Это положение отражено и в ч. 1 п. 1 ст. 464 УПК РФ [13].

Учитывая, что институт выдачи имеет комплексный характер, сочетает нормы международного и национального уголовно-процессуального права, для эффективной его реализации в борьбе с преступностью необходимо сотрудничество государств. В последние годы на процессы выдачи повлияли отношения Российской Федерации с рядом государств-контрагентов. Ряд стран напрямую игнорируют обязательства. Так, в противоречие Европейской Конвенции о выдаче 1957 года [5] и принципу взаимности, неукоснительно соблюдаемым Российской Федерацией, поступают отказы в выдаче по уголовным делам, не имеющим отношения к политике, предоставляя, таким образом, обвиняемым возможность уклонения от уголовной ответственности, либо никак

не объясняя отказ, либо голословно ссылаясь на «политические преграды» [8]. При этом подчас западные государства не только игнорируют международные нормы, но и демонстрируют пренебрежение относительно законодательства Российской Федерации. К примеру, Польша настойчиво запрашивала выдачу авиадиспетчеров по инциденту с крушением самолета под Смоленском в 2010 году, пренебрегая, в том числе, результатами выводов экспертной комиссии относительно виновных в авиакатастрофе [11]. А США, не приводя оснований, требовали выдачи тринадцати граждан РФ в связи с так называемым «русским делом», якобы, вмешательством в выборы в 2016 год [4]. Президент РФ В.В. Путин подтвердил: «Россия вообще не экстрадирует своих граждан кому-либо, так же, как и США» [4].

Таким образом, затронутые вопросы требуют для своего разрешения совершенствования правовых норм и, как следствие, избежание ошибок правоприменения, с целью соблюдения баланса публичных и частных интересов, обеспечения прав граждан, недопустимости произвола и неотвратимости ответственности при осуществлении выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора как на международном, так и национальном уровнях.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.07.2018 № 18-АПУ18-11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18072018-n-18-apu18-11/> (дата обращения: 08.04.2025).
2. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Адыгея от 20.11.2017 года по делу № 22К-54/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-01OS0000-22k-54-2017-2017-01-18-2-1/> (дата обращения: 08.04.2025).
3. Бойшов А.И. Выдача преступников. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 793 с.
4. Владимир Путин пообещал не выдавать США обвиненных во вмешательстве в выборы россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:https://www.kommersant.ru/doc/3566078](https://www.kommersant.ru/doc/3566078) (дата обращения: 08.04.2025).
5. Европейская конвенция о выдаче 1957 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. // Собрание Законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

6. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/46 от 10.12.1984 Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 года № 6416-XI // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900532> (дата обращения: 08.04.2025)
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. – Федеральный выпуск: № 144 (8198). – 04.07.2020.
8. Польша 11 раз отказала России в экстрадиции обвиняемых за 2024 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7566593> (дата обращения: 08.04.2025)
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.10.2016 N 18-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в связи с жалобой А.Г. Оленева» // Российская газета – Федеральный выпуск. – № 233 (7101). – 14.10.2016.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета – Федеральный выпуск. – № 141 (5814). – 21.06.2012.
11. РФ не выдаст диспетчеров, обвиненных Польшей в крушении под Смоленском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/727329> (дата обращения: 08.04.2025)
12. Смолькова И.В. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 383 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 52. – ст. 4921.
14. Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 126 (8774). – 14.06.2022.
15. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 30.11.2024) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 66 (6338). – 21.03.2014.

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ МАҚАЛАЛАР

1-БӨЛІМ

«САЯСАТ ҒЫЛЫМ»

1.1. САЯСИ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ ИДЕОЛОГИЯЛАР

АБАЙҚЫЗЫ АРАЙЛЫМ ТМД ЕЛДЕРІНДЕГІ САЯСИ МӘДЕНИЕТ ПЕН ИДЕОЛОГИЯНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Абайқызы Арайлым

*бакалавриат студенті,
В040-Саяси бұқаралық байланыстар,
Нархоз университеті,
Қазақстан, Алматы*

Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД) елдерінде посткеңестік кезеңде саяси мәдениет пен идеологияның қалыптасуы ерекше сипат алды. Әсіресе Қазақстан мен Өзбекстан жағдайында кеңестік мұра, ұлттық мемлекет құру талпыныстары және авторитарлық басқару модельдері өзара ұштаса отырып, саяси мәдениеттің айрықша үлгілерін түзді. Бұл мақалада аталған екі елдің тарихи және саяси контексті талданып, қазіргі идеологиялық ұстанымдары мен олардың қоғамға әсері салыстырмалы түрде қарастырылады. Әрбір пайым нақты дереккөздер және сараптамалық тұжырымдармен негізделді.

1991 жылы Кеңес Одағы құлағаннан кейін Қазақстан мен Өзбекстан жаңа саяси жүйе мен ұлттық идеология қалыптастыруға кірісті. Алғашқы президенттер – Нұрсұлтан Назарбаев пен Ислам Каримов кеңестік элитадан шығып, ел басқарды. Екі ел де саяси тұрақтылық пен мемлекеттілікті нығайтуды мақсат етті. Алайда тарихи және этно-мәдени ерекшеліктерге байланысты идеологиялық бағыттары әртүрлі

болды. Қазақстан – көпұлтты әрі көпконфессиялы ел ретінде этносаралық келісім мен азаматтық бірегейлікті алға шығарды. Ал Өзбекстанда этникалық біртектілік пен кеңестік авторитарлық басқару сақталып, ұлттық идеология радикалды түрде қайта құрылды. Екі мемлекет те кеңестік коммунистік мұрадан бас тартып, тәуелсіздікке негізделген жаңа идеологиялық бағыттар құрды. Дегенмен, бұл үдеріс Қазақстанда біршама эволюциялық жолмен жүрсе, Өзбекстанда катал антикоммунистік және оқшауланушы саясатпен жүзеге асты.[1] Кеңестік кезеңнен кейін Қазақстанның саяси мәдениеті трансформацияланып, президенттік басқару жүйесі орнықты. 1995 жылғы Конституция атқарушы билікті күшейтті. Назарбаев кезеңінде тұрақтылық, экономикалық даму және көпвекторлы саясатқа негізделген бейресми «Назарбаев моделі» қалыптасты. Алайда билік шоғырланып, саяси жүйе авторитарлық сипат алды. Freedom House мәліметінше, Қазақстанда оппозиция шектеліп, билікке қарсы наразылықтарға қысым көрсетіледі. [2] Яғни, ресми тұрғыда демократия институттары болғанымен (парламент, сайлау, бірнеше партияның формалды қызметі), іс жүзінде саяси бәсеке шектеулі, азаматтардың шешім қабылдау үдерісіне ықпалы мардымсыз. Қазақстан мемлекеттілігін идеологиялық тұрғыда нығайту үшін бірқатар ұлттық идеялар мен стратегиялық құжаттар қабылданды. «Қазақстан-2030» және «Қазақстан-2050» стратегиялары ел дамуының негізгі бағыттарын айқындаса, 2014 жылы «Мәңгілік Ел» идеясы тұңғыш ресми ұлттық идеология ретінде ұсынылды [3]. Бұл идея ұлттық бірлік пен тұрақтылықты нығайтуға, көпэтносты қоғамды ортақ мақсатқа жұмылдыруға бағытталды. Сондай-ақ Қазақстан халқы Ассамблеясы сияқты институттар этносаралық татулықты қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарды.

Назарбаев кезеңінде саяси мәдениетте жеке басқа табыну белгілері байқалды. Оған «Елбасы» мәртебесі беріліп, есімі ел астанасына және нысандарға берілді. Бұл культ мемлекеттік идеологияның тұлға төңірегінде құрылғанын көрсетті. Ресми риторикада тұрақтылық пен даму баса айтылып, халыққа экономикалық өсім мен ұлттық бірлік уәде етілді. Саяси белсенділік төмендеп, патерналистік түсініктер – билікке мойынсыну мен «әке бейнесіндегі» басшыға үміт артушылық қалыптасты. 2019 жылы Тоқаев билікке келіп, «Жаңа Қазақстан», «Әділетті Қазақстан», «Халық үніне құлақ асатын мемлекет» секілді жаңа идеологиялық тұжырымдар ұсынды [4]. Олар саяси жаңаруға бағытталғанымен, Қаңтар оқиғасынан кейін ғана нақты реформалар басталды: пропорционалды сайлау жүйесі енгізілді, партияларды тіркеу талаптары жеңілдетілді. Дегенмен сарапшылар бұл реформалардың саяси мәдениетке әсері шектеулі екенін, көппартиялы өкілдіктің дамуы қажет екенін атап өтуде. Қоғамда баяу болса да өзгеріс жүріп жатқанымен, сабырлық пен

тұрақтылыққа басымдық беру тенденциясы сақталып отыр. Өзбекстанда тәуелсіздік алған соң саяси мәдениет авторитарлық бағытта қалыптасты. Каримовтың ұзақ билігі бейресми түрде «каримовизм» деп аталып, кеңестік идеологиядан толық бас тарту, ұлттық рәміздер мен тұлғаларды (мысалы, Әмір Темір) дәріптеу негізінде құрылды. Ол «Өзбекстанның даму үлгісін» жариялап, оның негізгі принциптері – автократия, авторитария және сыртқы саясаттағы оқшаулану болды [1]. Бұл кезеңде қоғамдық өмірді, соның ішінде діни саланы да мемлекет қатты бақылауға алды, өзгеше пікірлер басып-жаншылды. Сайлаулар көзбояушылық сипат алып, балама пікірлерге жол берілмеді [5]. 2005 жылғы Әндіжан оқиғасы кезінде бейбөт наразылық күшпен жаншылды. Мемлекеттік идеология оқу орындарына еніп, жастар «Миллий истиклол ғояси» пәні арқылы тәрбиеленді – бұл кеңестік кезеңнен зардап шеккендік және рухани тәуелсіздік риторикасын біріктірді. Сонымен бірге Өзбекстан діни экстремизмге қарсы дәстүрлі ислам мен ұлттық тәрбиені күшейту арқылы күресті. Мемлекет имамдарға қолдау көрсетіп, жастардың шетелде емес, ел ішінде діни білім алуына мүмкіндік жасады. Осылайша, идеология сенім мәселесін тыйыммен ғана емес, балама рухани бағдармен үйлестіріп, саяси мәдениеттің маңызды элементіне айналдырды.

2016 жылы Ислам Каримов дүниеден өткен соң, Өзбекстан саяси мәдениетінде белгілі өзгерістер кезеңі басталды. Жаңа Президент Шавкат Мирзиёев бастапқыда бұрынғы жүйенің кей қатаң тұстарын жұмсартып, реформалар арқылы қоғам мен мемлекет арасында жаңа әлеуметтік келісім орнатуға бет бұрды. 2017 жылдан бастап экономикалық ырықтандыру, көрші елдермен қатынастарды жақсарту, бұқаралық ақпарат құралдарына біршама еркіндік беру тәрізді қадамдар жасалды. Халықаралық қоғамдастық бұл өзгерістерді оң қабылдап, Өзбекстанды оқшауланған «enfant terrible» имиджінен арылуға тырысуда деп бағалады.[5] Саяси элита сырт көзге айтарлықтай жаңғырып, халықпен диалогқа бұрынғыдан ашық бола түсті: «Соңғы екі жылда (2017-2018) Өзбекстанның саяси элитасы сырттай түрленіп, халықпен жаңа қырынан диалог орнатуға дайын екенін көрсетті» деп жазады сарапшылар. Алайда реформалардың мазмұны мен қарқыны біркелкі емес. Кей тұста ескі авторитарлық әдістер де сақталуда, сондықтан өзгерістердің ұзақмерзімділігі туралы нақты айту қиын. Қалай дегенде де, Мирзиёев билігінің алғашқы жылдары саяси мәдениетке кейбір жаңа элементтер енді: мемлекеттік органдардың халыққа есеп беруін арттыру ұмтылысы, жастар саясатын жандандыру, әкімшілік реформалар арқылы жергілікті өзін-өзі басқаруды күшейту. Мирзиёевтің ұстанған басты идеологиялық тұжырымдамасы – *«Жаңа Өзбекстан»*

идеясы. 2021 жылы президентті ұлықтау рәсімінде ол «Жаңа Өзбекстан – халықтық-гуманитарлық мемлекет» идеясын алға тартып, бұл бағытта арнайы даму стратегиясын жариялады. [5] «Жаңа Өзбекстан» сөзі қоғамды жаңару жолына жұмылдыру ұраны және алдағы реформаларға шақыру нышаны ретінде қолданылды. Бұл идеяда билік пен халықтың бірге әрекет етуі, әлеуметтік әділеттілік, заң үстемдігі және ашықтық принциптері баяндалды. Конституциялық реформа жасалып, 2022-2023 жылдары Жоғарғы Мажлис пен жергілікті кеңестердің рөлі шамалы күшейтілді, азаматтық қоғам ұйымдарына кейбір мүмкіндіктер берілді. Мирзиёев «біз бірге міндетті түрде Жаңа Өзбекстан және Жаңа Қарақалпақстан құрамыз» деп мәлімдеп, реформаларды демократиялық жолмен іске асыруға уәде етті. Алайда тәжірибеде Өзбекстан әлі де авторитарлы мемлекет сипатында қалып отыр: сайлау үдерістері нақты бәсекесіз өтуде, оппозициялық партиялар әлі тіркелмеген, ал азаматтардың саяси құқықтары шектеулі күйде қалуда. 2022 жылғы шілдеде Қарақалпақстанда орын алған наразылықтарды билік күшпен басып, аймақта біршама уақыт төтенше жағдай енгізді. Бұл оқиға «Жаңа Өзбекстан» идеологиясының шынайы сынағы болып, биліктің сын сәтте ескі тәсіл – күш қолдануға жүгінгенін көрсетті. Дегенмен, қоғамда белгілі дәрежеде саяси санада өзгерістер бар: тұрғындар әлеуметтік желілер арқылы өз пікірлерін айтуға талпыныс жасауда, мемлекеттік органдарды сынға алу үрдісі баяу болса да пайда болуда. Мирзиёевтің өзі және айналасындағы элита бұрынғы қатал цензурадан бас тартып, халықтың талап-тілектеріне құлақ асатын бейне көрсетуге мүдделі екендігі байқалады.

Қазақстан мен Өзбекстан посткеңестік авторитаризм үлгісін бастан кешті. Биліктің орталықтануы, «жоғарыдан модернизация», демократиялық институттардың формалды сипаты – екі елге ортақ. Назарбаев пен Каримов саяси бәсекесіз билік құрды. Қоғамда саяси белсенділік төмен болып, шешім қабылдау үдерісі жабық сипатта жүрді. Патернализм де терең орнығып, халық билікті «әкелік қамқорлық» ретінде қабылдады. Кеңестік өткенді қайта бағалау екі елде де жүрді, алайда қарқыны әртүрлі болды: Қазақстанда символикалық трансформация біртіндеп өтсе (латын әліпбиіне көшу, қазақ тілінің мәртебесі), Өзбекстанда бұл үдеріс радикалды сипат алды (латынға ерте көшу, кеңестік символиканы жою). Екі мемлекет те діни радикализмге қарсы шаралар қолданды: Өзбекстан дінге қатаң бақылау орнатып, дәстүрлі исламды қолдаса, Қазақстан зайырлылық қағидатына сүйенді. **Біріншіден**, этнодемографиялық құрылымда айырмашылық бар. Қазақстан көпэтносты болғандықтан азаматтық бірегейлік пен этносаралық келісім идеологиясы басым, ал Өзбекстанда өзбек ұлтының

мәдени үстемдігі айқын көрінеді. Тіл саясаты да өзгеше: Қазақстанда қос тілділік, Өзбекстанда тек өзбек тілі басым. **Екіншіден**, экономикалық модель мен ашықтық. Қазақстан шетел инвестицияларын тартуда алға шықты, көпвекторлы сыртқы саясат ұстанды. Өзбекстан ұзақ уақыт жабық экономикалық жүйемен шектелді, егемендікті сақтау идеологиясын баса айтты. **Үшіншіден**, билік ауысуы ерекшеленеді. Қазақстанда Назарбаев ерікті түрде кетті, культі біртіндеп әлсіреді. Өзбекстанда Каримов қайтыс болған соң ғана билік ауысып, оның культі тез жойылды. Мирзиёев бастапқыда Каримовті мақтаса да, кейін «Жаңа Өзбекстан» бағытын ұсынды.

Қазақстанда «Жаңа Қазақстан» тұжырымдамасы аясында саяси ашықтық пен әділеттілікке бағытталған реформалар жүргізілуде. Белгілі бір плюрализм элементтері пайда болғанымен, халықтың негізгі назары әлі де экономикалық тұрақтылықта. «Әділетті Қазақстан» сияқты ұрандар қоғамда талқылануда, бірақ сеніммен қабылданбай отыр. Freedom House 2023 жылғы бағалауынша, Қазақстан – «еркін емес» мемлекет. Дегенмен, ішкі сұраныс өсіп, билікті нақты өзгерістерге итермелеуде. Өзбекстанда «Янги Ўзбекистон» идеологиясы жаңару мен әлеуметтік әділеттілікті мақсат етіп, жалақы мен зейнетақыны өсіру, жастарға қолдау көрсету шараларымен қатар жүріп жатыр. Алайда Қарақалпақстандағы оқиғалар саяси реформалар шектеулі екенін көрсетті. Мирзиёев диалогқа ашықтық танытқанымен, авторитарлық элементтер сақталуда. Екі елде де халық үшін саяси идеологиядан гөрі тұрмыстық әл-ауқат пен жұмысқа орналасу маңыздырақ. Егер идеологиялық ұрандар нақты жетістіктермен бекітілмесе, олардың әсері азаяды. Мысалы, Қазақстандағы «Мәңгілік Ел» идеясы кейін қоғамдық назардан тыс қалды, ал Өзбекстанда «Янги Ўзбекистон» идеясынан нақты нәтиже күту жалғасуда. Сонымен қатар, ұлттың тарихи санасын қалыптастыру екі елде де жалғасуда. Қазақстанда «Рухани жаңғыру», Өзбекстанда «Үшінші Ренессанс» идеясымен өткен мен болашақты ұштастыруға талпыныс жасалуда. Бұл ұлттық мақтаныш пен саяси тұрақтылықты нығайтудың құралына айналуы мүмкін.

Қазақстан мен Өзбекстан посткеңестік кеңістіктегі авторитарлық басқару мен ұлттық жаңғырудың ерекшеліктерін көрсетеді. Екі елде де идеология мемлекеттілікті нығайту құралы ретінде қолданылды. Қазіргі таңда саяси модернизация мен азаматтық белсенділіктің артуы байқалуда. Бірақ бұл үдерістердің нәтижесі билік пен қоғам арасындағы диалогтың шынайылығына байланысты.

Қолданылған әдебиеттер:

1. Каримизм. (2024, қазан 19). In Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC#:~:text=%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%CC%81%D0%B7%D0%BC%20%D0%B8%D0%BB%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC%D0%B2%D0%B8%CC%81%D0%B7%D0%BC%20%28%D1%83%D0%B7%D0%B1,8>
2. Айдархан а. (2023, наурыз 9). Несвободный, авторитарный. Freedom house вновь негативно оценила ситуацию с правами и свободами в казахстане. Радио азаттык. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-freedom-house-vnov-otsenivaet-kazahstan-kak-nesvobodnuyu-stranu/32310593.html>
3. "мәңгілік ел" идеясы – ұлттық идеология. (2016, қазан, 4). Abai.kz. <https://abai.kz/index.php/post/46904#:~:text=%C2%AB%D0%9C%D3%99%D2%A3%D0%B3%D1%96%D0%BB%D1%96%D0%BA%20%D0%B5%D0%BB%C2%BB%20%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%81%D1%8B%D0%BD%D1%8B%D2%A3%20%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%85%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D1%96%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B5%D1%80%D1%96,%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%8B%D0%BD%D1%8B%D2%A3%20%D2%B1%D0%BB%D1%82%D1%82%D1%8B%D2%9B%20%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%81%D1%8B%D0%BD%D0%B0%D0%BD%20%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D0%B3%D0%B5%D0%BD%20%D1%82%D2%AF%D0%B9%D1%96%D0%BD>
4. Майгелдинов к. (2025, наурыз 17). Қазақстан қоғамының жаңа құндылықтық жүйесін қалыптастыру бағытында не істеу қажет? Вақ. Kz. https://baq.kz/qazaqstan-qogamynyn-zhana-qundylyqtyq-zhuyesin-qalyptastyru-bagtynda-ne-isteu-qazhet_200010359/#:~:text=2019%20%D0%B6%D1%8B%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%BD%20%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BF%20%D2%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D2%9B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20%E2%80%9C%D0%96%D0%B0%D2%A3%D0%B0,%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D1%96%D0%B7%D0%B3%D1%96%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%B5%D1%80%20%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%96%D0%BD%D0%B4%D0%B5%20%D2%9B%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8B%D0%BB%D1%83%D1%8B%20%D1%82%D0%B8%D1%96%D1%81

5. Узбекистан: неочевидная перспектива. (2021, казан, 24). Uzmetronom.com. <https://uzmetronom.agency/2021/10/24/uzbekistan-neochevidnaya-perspektiva.html#:~:text=%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BF%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC%2C,%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BC>

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам С международной
научно-практической конференции*

№ 5 (100)
Май 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 12.05.25. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru